
Татьяна Анина
Основа
Жизни

Татьяна Анина

Основа жизни

«Литнет»
2021

Анина Т.

Основа жизни / Т. Анина — «Литнет», 2021

– Лесь, скажи мне, что ты хочешь? – Тихо прошептал Сева, глядя на меня потемневшим взглядом полным какой-то тоски. – Я ухожу из школы через три месяца, ищу работу и уезжаю. – Ты думаешь… Я отпущу тебя? – Что? – сорвалось с моих губ, а сердце забилось в груди. Мне стало жарко и невероятно неудобно находиться с ним наедине в пустом классе. – Я никуда тебя не отпущу, – он улыбнулся. – Будем вместе. Теперь это основа твоей жизни.

© Анина Т., 2021
© Литнет, 2021

Содержание

1 5
2 14
3 21
4 29
5 41
Конец ознакомительного фрагмента. 42

1

Леся и Сева

В спортивном зале школы наш одиннадцатый «А» класс играл в волейбол. Вопли эхом отражались от стен, превращаясь в гул. Мне нравилось всё: от звуков до запахов. Только в школе я чувствовала себя человеком. И здесь было здорово.

Не все играли. Были те, кто сидел на скамейках, они бы не потянули такую игру. Сильные одноклассники могли просто затоптать слабых. Больные, припадочные и инстаграм-самки к игре допущены не были, во избежание травм.

Я стояла у сетки и рассматривала парней.

В кого влюбиться без оглядки?

Парней, которые и ростом и фигурой удались, всего трое. Мне больше всех нравился Сева Бычков. Высокий, плечистый. И на лицо симпатичный. Лёша Васин тоже ничего, но он вроде худощавый, хотя и привлекал меня карими глазами и смуглой кожей. Ещё был Никита Савинов. Но тот мне внешне не нравился, только синие глаза у него красивые. А так, поехавший кукохой, хулиган школы. К тому же, влюблён в Катьку, которая пришла к нам в прошлом году. И общего у нас с ним только то, что матери бухают. Ну куда с таким? Тоже бухать?

Нет.

Так Лёша или Сева?

На самом деле ни тот, ни другой на меня не смотрели, это мои личные фантазии, но можно же и помечтать.

Лёшка с Севой с девчонками не дружат, робкие какие-то. Сами накачанные, спортом занимаются, а не гуляют. И Лёшка Васин покуривает… Значит, Сева.

Я улыбнулась, как будто мы с этим высоким складным парнем уже пара.

Он красивый, сильный, из приличной семьи. У него алгебра на отлично идёт. Чем не принц? Ещё и не целовался ни с кем… Можно же пофантазировать?

– Лядина, на подачу! – крикнула Татьяна Петровна, учительница физкультуры.

Толстозадая Сонька Лядина, демонстративно покачивая бёдрами, шла к задней линии, крутя в руках мяч.

Она считается самой красивой и самой гулящей девчонкой нашего класса. У неё рост, грудь и зад.

Парни все замерли. Сейчас Лядина будет красиво прыгать.

Я вздохнула. Смотрела, как все наши мальчишки взглядами вылизывают Соньку и улыбаются. Васин в первую очередь, с высоты своего роста глаз с Лядиной не спускает.

Я поправила свою чёрную футболку, подтянула чёрные спортивки. У меня тоже есть фигура, и я смазливая. Ростом не удалась, поэтому никто не замечает.

Наткнулась на пристальный взгляд Севки Бычкова.

Это было странно. Ведь Лядина на подаче.

В первый момент я почему-то застеснялась от такого внимания. А потом усмехнулась.

Ладно, Бычков! Ты ж у нас пай-мальчик. Хотя по внешности таким быть не должен.

Светло-русые волосы взмокли, торчат вверх, серо-голубые глаза из-под широких бровей пристально меня изучают. Крепкий такой, и щетина уже на лице. Не всегда побриться в школу успевает.

А ещё рослый. Вот сколько в нём? Метр восемьдесят с лишним. А может, все метр девяносто. Под ним брусья прогибаются, когда он на них физическую культуру выкручивает.

Но слова сказать ему нельзя, бычится. На то и Бычков, чтобы бурчать себе под нос и заметно краснеть. А тут, посмотрите-ка на него, уставился без стеснения.

А раз так, то я, пожалуй, и поиграть с тобой могу, Себастьян.

Это ведь я два года назад, когда он перевёлся в нашу школу, его стебала. Он паспорт обронил у кабинета секретаря. Я подобрала и посмотрела, кто он такой. Оказалось, никакой не Сева, а Себастьян.

Первый год Трэш его звал: «Бах».

Трэш на то и обезбашенный на всю голову, чтобы всем кликухи раздавать. Но кличка не закрепилась, Сева неинтересный: не дерётся, к себе не подпускает. Так что Трэш вскоре отстал от него, и Себастьян Бах стал просто Севой Бычковым.

На время в зале воцарилась тишина: Лядина прыгала, и вместе с ней — третий размер груди, который гипнотизировал противника.

Сонька гаркнула, ударив по мячу как настоящая волейболистка. Мяч с такой силой улетел в незащищённый квадрат поля, что никто сообразить не успел.

– Класс, – выдохнул довольный Лёшка Васин. Мало того, что Сонька ему нравилась своими буферами, он еще и восхищался её игрой.

Интересно, почему он ей не предложит гулять?

Тоже скромняга.

Хотя они с Лядиной с первого класса в хороших отношениях, и можно часто видеть, как худеющая, сгоняющая свои жирки Сонька подкидывает лишнюю булочку в столовой именно Лёшке Васину. Так, без подтекста, даже обняться могут. Потому что вроде друзья.

А у меня в школьных друзьях только Сашка Верещагина из парней. И пусть она девчонка, но всё равно парень. А так, все мои поклонники, в основном, из посёлка и старше…

Мне не нравится, хочу в школе с кем-то встречаться.

Влюбиться хочу. В Севу влюблюсь. Потому что Сонька опять на подаче, а Бычков не на неё, а на меня смотрит. И с Бычковым безопасно. Он под юбку не полезет, так что можно с ним делать всё, что я захочу. Понравится, буду за ручку ходить, не понравится, пошлю куда подальше.

Лядина опять гаркнула, мужики ухнули.

Мяч влетел на поле противника, под него подставился мелкий уродец, Ромка Шишков. Ромка — друг Трэша и состоит в нашей унылой компании под названием: «Единственный родитель – алкоголик». Но у Ромки и того хуже, у него родных не осталось, бухает отчим. Так что Шиша совсем неадекватный, ещё и страшный, как моя жизнь.

Ромка смуглый и чернявый, хотя мне иногда кажется, что его просто последний раз мама мыла, когда подгузник меняла, лет шестнадцать назад. От подачи Соньки Лядиной Шиша припал к полу и с трудом отбил мяч.

Мяч взлетел вверх, за ним подпрыгнул Лёшка Васин, и я уже думала, что прилетит ко мне. Напряглась. А Лёшка легонько кинул мяч Трэшу. Этот, дубина, со всей своей молодецкой дури залепил над сеткой, где подставила руки его крашиха Катька. И Катьке своей руку сломал, придурок.

Катька Тугарина по кличке Тугара прижала ударенную руку к животу и согнулась в три погибели

– Кис!!! – подлетел к ней Трэш. – Татьяна Петровна, вот на хрена девчонок с мальчишками ставить!!!

«Киса». Как же романтично! Меня так никто не называл, иногда Химер «деткой» звал, когда в хорошем настроении, а так в основном «стервой», «чумой», «Каморой». Самое ласковое, что я слышала в свой адрес, это имя.

Леся.

Я вообще-то Олеся, как мама, но сама просила всех «О» убирать. Не хочу со своей матерью ничего общего иметь.

– Тугарина! Эй, Тугарина! Руку покажи, – требовала физручка. – Пальцами пошевели.

Татьяна Петровна отдала свисток Сашке Верещагиной и повела Тугару в женскую раздевалку. Где не было душевых, но была раковина.

– Савинов! А ну в зал вернулся!!!

Унылый Трэш, покалечивший свою возлюбленную, которая пока что его игнорировала, но это ему не мешало ей прокалывать шины на велике и рвать куртку в гардеробе, вернулся к нам.

Никто не умеет любить! Вот влюбился хулиган в хорошенькую девчонку, а что дальше делать, не знает.

Проколол ей шины на велике, Катька бедная чуть не плакала у крыльца школы. А Трэш крутил в руках нож, которым испортил девчонке колёса, любовался на неё влюблённо и кричал: «Киса, порванная резина ведёт к ЗАГСу».

И после этого он надеялся на взаимность.

Я так не хочу. Мне бы…

Тихо. Чтобы на двоих.

Народ с площадки чуть было не разбежался по своим делам, но Сашка Верещагина, она же Куча, засвистела и заорала басом:

– А ну, млин, вернулись на места!!!

И все вернулись, даже Шиша.

– Разбавляем команды! – командовала Верещагина. – Трэш, Вася, сюда. Леся, Ира, Маша, на ту сторону.

Сашке попробуй не подчинись, прибьёт.

Не меня, конечно. Она моя соседка и, можно сказать, единственный друг.

Девушка так себе, пацанка, супарень чистой воды. Но поговорить с ней можно.

Я прошла под сеткой, лукаво кинула взгляд вверх на Севу и повернулась к нему спиной. Нагнулась, якобы в стойке, готовая поймать мяч. А сама попой повиляла.

И мне по заду со всего маха рукой заехали.

Я вскрикнула от боли и резко обернулась. Это был придурок Шиша. Глаза карие дурные-дурные, морда ошалелая. Ромка отпрыгнул от меня в сторону, когда я ему хотела заехать подзатыльник.

– Обезьяна! – обиженно крикнула я.

– Ух! Ух! Ух! – выпячивая губы, забегал Ромка, махая руками, как возбужденный бабуин. На полусогнутых добежал до деревянной лестницы у стены и повис на турнике на одной руке.

– Шиша, забыл ногу в рот сунуть, – хохотала Сонька Лядина.

Придурок попытался рваный кед сунуть себе в рот на потеху всему классу, не получилось.

– Лесь, на подачу! – командовала Сашка Куча и дала свисток.

Я прошла мимо Севы с мячом в руке. Встала на подачу.

У него широкая спина, красивая мужская фигура… Руки сильные…

– Бычков, ты хоть оглянись! – Кричал Трэш. – Камора же перед тобой попой крутила!

Я вспыхнула от возмущения.

На самом деле так и было, но об этом вслух говорить запрещалось. В зале окна затряслись от дружного гогота.

Я почувствовала, как краснею до кончиков волос, как сильно злоба сковывает конечности. Со всей силы залепила в Трэша мячом.

Но что этим бугаям все мои порывы? Парни такие сильные, что лучше вообще с ними не связываться. Трэш спокойно мяч поймал и покрутил его на пальце.

Вишенкой на торте моего позора был взгляд Севы Бычкова через плечо. Глянул и усмехнулся.

Гад!

Вот так вот ты с моими играми?

Пожалуй, я ещё перед тобой попой покручу, чтобы ты за мной побегал.

*****

Посёлок наш переполнен всякой нечестью вроде пьющих граждан, уголовников, детей недоразвитых и отморозков. Но так как есть несколько работающих предприятий, развита инфраструктура и кругом невероятно красивая природа, посёлок растёт, развивается и строится.

Всё в одну кучу, в которой бурлит жизнь и расслаивается на разные параллели. Здесь и отпрыски богатеньких родителей, и нормальные люди, и полные маргиналы. Бывают стычки, а драться после уроков вошло в моду лет пятьдесят назад, и до сих пор является самым интересным занятием посельчан всех возрастов. Поэтому в посёлке есть своя полиция с пунктом временного заключения, своя больничка с травмпунктом. Одним словом, зашибись посёлок, и школа как отражение жизни вокруг.

Где работают лучшие педагоги в мире? У нас! Потому что не просто преподавать надо, психологом нужно быть, а ещё и вникать в жизненную ситуацию каждого ученика.

А мы — дикое племя. Ещё год назад мной гордились, тянули, как Соньку Лядину, на золотую медаль. А потом у меня умер папа, и мать запила. В моей семье папа был основой любви и жизни. Он работал, он воспитывал, следил, содержал и делал всё как настоящий мужчина. Мама была такой слабачкой, что после его похорон устроила поминки и поминает почти год. Я десятый класс как-то допинала, а этот начала совсем неудачно.

Наша директриса носила кличку Жопа-Голова. В недоразвитых учебных заведениях у всех есть кликухи, но Антонина Васильевна имела действительно объёмный зад и дикий начёс на голове. При этом ни плеч, ни груди. Так что погремуха была оправданной. Она вызывала меня к себе, что-то говорила о том, что учёбу бросать нельзя. А я зевала. Потому что спать опять не давали. И я не думала о директрисе, как об авторитете, скорее, наоборот, веяло от неё деспотичностью и архаичностью.

Я кивала головой и, когда меня отпускали, лениво плелась в сторону класса.

Во всех приличных школах основополагающие предметы обычно идут с раннего утра. Русский, литература, алгебра. В нашей школе после урока физкультуры, чтобы все идиоты выбегались и проснулись. Сегодня в середине дня случилась у нас физра.

А ещё в нашей школе было столько спортивных секций, что работало аж пять учителей-тренеров. А всё потому, что парней больше, чем девчонок. И если в нашем классе ещё есть чем тестостерон разбавить, десятый класс состоял полностью из парней, и все они были спортсменами. Называли их «носорогами«, и последняя девчонка, моя подруга Любка, сбежала от них в прошлом году, поступив в педагогическое училище в городе. А потому что приставали. Нагло, дерзко, почти всем классом. Она пыталась остаться на второй год. Но ей подфартило поступить и свинтить из этого ада. Благодаря старшему брату, который хоть и вышел из мест не столь отдалённых, но оказался вполне себе человеком.

Я ходила в школу в своём спортивном костюме и старых кроссовках. На смену у меня была ещё одна чёрная футболка. Чёрный цвет не только потому, что я папу не могла забыть, а ещё потому, что вещей не было, и я крайне редко их меняла.

– Олесенька, – позвали меня, когда я стояла у гардероба.

Я оглянулась. Старинные двустворчатые двери, в которых по задумке должны быть вставлены стекла, но стоял поликарбонат, потому что всё время кто-то разбивал стекло, и закупили просто рулон, который резали и заделывали им дыры, открылись. Из дверей вышла молодая повариха.

– Да, – зевнула я.

Это после физкультуры я так расклеилась. И опозоренная Севой перед всем классом вообще на физику идти не хотела.

– Олесенька, макарошки остались, покушаешь?

– Да! – обрадовалась я и направилась в столовую следом за жалостливой поварихой.

Нет! Наша школа самая лучшая. Вместо того, чтобы своим поросятам объедки таскать, поварихи их скармливали нам: чмошникам и нищебродам. Трэш и Шиша, я и десяток других, кого знали в лицо, обязательно будут накормлены.

Повариха алюминиевой поварёшкой выскребла со дна большой кастрюли порцию макарон. Полила их подливой. Уложила на тарелку два куска хлеба. Рядом поставил чай и сверху булочку.

– Спасибо, – расплылась я в улыбке.

– Кушай, дорогая, – кивнула мне добрая тётка, и я, довольная, с подносом пошла за стол в пустом зале, потому что уже начался урок. Села подальше от учительского стола. Там пили чай преподаватели, и я бы не хотела слышать, почему прогуливаю.

Не прогуливаю, а пропускаю ради хорошего подкрепления организма. Вряд ли моя синюшная мамаша что-нибудь приготовит. Сожрано всё на закуску.

На таких радостях я, пожалуй, на алгебру схожу. Дома всё равно делать нечего. Туда только ночевать.

Еду жевала долго, сытость пришла обалденная, и потянуло спать ещё сильнее. Нужно было пойти на физику, там хотя бы выспаться можно, на алгебре не получится.

В моём кнопочном телефоне ничего интересного, кроме старых фотографий, где жив папа и подружка Любка живёт рядом со мной и Сашкой Верещагиной. Мы гуляем, играем…

Выкинуть что ли телефон, чтобы депрессняк не мучил?

– Камора, это ты сожрала мои макароны?

Я лениво посмотрела в сторону низкорослого мощного уродца. Один из носорогов злобно смотрел на меня. Тоже прогуливал.

– Отвали, – фыркнула я и понесла пустую посуду ближе к кухне.

– Что Химер не кормит? – пристал поганец. – Плохо ублажаешь?

– Я сказала, отвали! – рявкнула я.

Но он не отстал. В столовке остались только шоколадки на продажу, а парень хотел полноценный обед. Я посмотрела на него, сузив глаза.

– Химеру расскажу, – предупредила я.

Это волшебная фраза, от которой веет феней, уголовщиной и поножовщиной. После неё все, кто ко мне пристаёт, убегают без оглядки. И я, кстати, тоже. Потому что Химер – моё личное проклятье. Поначалу я так не думала, а потом влипла по полной программе.

Звенел звонок, ревели звери. Перемена в нашей школе, как выгул бешеных собак. Я медленно шла к кабинету алгебры.

Я здесь своя. Слава у меня не очень хорошая, потому что однажды… Я совершила ошибку: сказала парню, который отсидел и которому уже двадцать лет, что могу с ним погулять. Погулять. А получилось немного другое. Это потом мне опытная во всех аспектах любви Ложкина Лерка, которая не слазит со своего инстаграма, сообщила, что нельзя заигрывать с такими взрослыми мужиками, они понимают всё конкретно. Поэтому от Химера я бегаю уже полгода, как только его сестра Любка уехала жить в город. Но все считают меня его бабой.

Не буду с мужиками больше заигрывать, буду с парнями своего возраста.

С ними безопасно. Если скажу, что будем гулять, так и поймут.

Да, Сева?

Он с Мошкиным сидел на первой парте и о чём-то разговаривал. На нём светлый джемпер… Кто в нашу школу ходит в джемпере? Себастьян, кто ж ещё.

Сверкнул на меня глазами серыми, и Мошкин тут же обернулся. Они замолчали.

Я бы Севе подмигнула, но в присутствии его друга не стала. Фыркнула и пошла к последним партам. Сашка не пришла… Лядиной и Ложкиной не было. Тугара пропала с Трэшем. И Васин не маячил.

Прогульщики. Все, как и я.

– Машка, а где все? – спросила я у одноклассницы, которая перед алгеброй ногти красила.

– Загребли в психушку, – на полном серьёзе ответила она.

– Меня забыли, – устало вытащила из своей потёртой сумки тетрадь и учебник.

Урок начался. Первым делом долговязая математичка отметила, кого нет в классе. Оказалось, правда, что половина прогульщиков пошла на какую-то медкомиссию.

Я открыла общую тетрадь в самой середине. Там уже было несколько листов исписано одним словом. Я писала печатными буквами, письменными, разными шрифтами. Каллиграфии меня учил папа, говорил, что это развивает моторику и головной мозг. Для чего, забыл пояснить.

Ровным красивым почерком с вензелями я опять написала: «Одиночество». Хотела подчеркнуть, но под этим словом написала мелким шрифтом: «Основа моей жизни». Одиночество. Одиночество. Одиночество.

Я взяла простой карандаш, им стала писать это проклятое слово, которое так ярко отражало меня, как часть Вселенной. Уродливой, извращённой Вселенной, где я потеряла свою золотую медаль, где нет основы моей жизни, и я пропадаю, падаю куда-то в бездонную пустоту на дно маминой бутылки… Мне лучше не быть… Я никому не нужна, даже себе…

Прозвенел звонок с урока, я закрыла тетрадь.

– Сева, Леся, останьтесь,– попросила математичка.

Я вздрогнула, и даже мурашки по телу пробежали. А при чём тут Сева? Это же я вроде ни хрена не делаю на уроках.

Застегнув спортивную сумку, нахохлившись, я встала у стола учителя, сунув руки в карманы.

И он встал рядом.

Высокий, сильный, красивый.

И весь такой приличный, что во мне проснулась совесть, подсказывающая, что лучше не крутить перед ним попой, не навязываться и не давать повода. Ведь мужчины — народ конкретный, как завещала Ложка. Он поймёт неправильно, возьмёт меня за руку…

Горячую руку.

У него такие длинные пальцы...

Ладонь такая, что вся моя рука в ней спрячется. От него пахнет вкусно жвачкой и лосьоном для бритья. А ещё, когда потеет, мне не противно. Не знаю почему, просто я его воспринимаю таким, какой он есть.

Зачем хорошему парню плохая девчонка?

Я даже заигрывать не буду, пошёл он в свою чистенькую богатую семейку, к своим чистеньким богатеньким подружкам.

Сева, у тебя есть подружка? Какая-нибудь дочка банкира по интернету слюнки на тебя пускает. На тебя, Сева, многие смотрят с желанием. Потому что ты самый классный парень в этом посёлке. В этой стране, на этой планете и во всей моей Вселенной под названием: «Одиночество».

– Леся, ты меня слышишь? – Спросила училка.

– Почти, – отозвалась я.

– Каждый день после уроков будешь заниматься с Севой. Вы будете делать домашнее задание. Севе автоматом ставлю по зачётам отлично, тебя вытягиваем на тот уровень, который ты можешь и должна держать!

– А он после уроков в пустом классе не будет ко мне приставать? – нагло поинтересовалась я. Бычков хмыкнул и запрокинул голову назад. Такой весь… обалденный.

То есть я собиралась с ним поиграть, а сама взяла и втюрилась?

Только этого мне не хватало.

С влюблённой девушкой можно делать всё, что захочешь. Возьмёт потом и кинет, потому что на нём джемпер светлый и кроссы дорогие.

– А то вы мою подругу в прошлом году оставили с носорогом... С Мироном Корсаровым в классе, он её тут зажимал на парте, – продолжила я.

Училка покраснела, с ужасом взглянула на меня.

Вообще в нашей школе практика обычная, что кто-то кого-то подтягивает. Учителя не справляются, поэтому скидывают на учеников часть проблем, обещая кучу ништяков.

– Леся, – вздохнула Ирина Борисовна. – Я буду ставить тебе за домашние задания оценки в журнал. У тебя высокий уровень интеллекта. Ты можешь поступить в высшее учебное заведение.

– И на что жить? – хмыкнула я, глядя на неё испытующе.

– Повышенная стипендия, – она стала такой доброй. Лицо полное сочувствия.

– Шесть тысяч? – усмехнулась я. – Не пробовали на шесть тысяч прожить? Ну да. Работать пойду…

Она всё правильно говорит. Только я не хочу. Мне в январе восемнадцать лет, и я сваливаю из дома, куда глаза глядят. Я бы раньше убежала, но Жопа-Голова припугнула опекой. Но она — дура. Я уже всё узнала. Я могу прямо сейчас устроиться на работу и подать иск на эмансипацию. И свобода! Одна проблема — жильё. Где жить? С мамой алкоголичкой? Не вариант. Она угробила наш дом до такого состояния, что как только придут люди смотреть, как я живу, сразу заберут в детский дом. А я туда не поеду, я не ребёнок. Мне осталось всего ничего: три месяца. Поэтому я не полезу на рожон.

– Хорошо, я согласна.

– Сева?

– Я согласен.

Объявляю вас мужем и женой.

Нет?

Зря.

Я отвернулась от них и пошла из класса.

****

– Каморкина!

Сева редко повышал голос. Он у него низкий, хотя сам он высокий.

Я нехотя обернулась. В полупустой рекреации школы было вполне тихо. Стояли у окон какие-то носороги с девчонками из девятого класса. На нас внимания не обращали, там гормональный всплеск в любовном русле.

– Чего надо, Бычков? – я сделала скучающий вид и посмотрела ему в лицо. Надо его сфотографировать, чтобы остался на память такой красивый.

– Домашку делать, – он развёл руками, словно удивлён.

– Ещё обществознание.

– Отменили, заболела училка.

– Что так хочется на халяву тесты получить? – зло усмехнулась я.

– Конечно, – пожал он широкими плечами.

Насмехался.

Ему не нужно со мной оставаться после уроков, потому что я плохо учусь. Ему выгодно.

Так неприятно стало. Никому, конечно, не скажу, но я хотела бы… Чтобы он просто так со мной общался. Чтобы за ручку по школе… А не потому что выгодно.

И не нужен он мне! Не буду с ним заигрывать! Бесит!

– Что вылупился? – зашипела я. – Что смотришь? Вали в свою квартирку к своему оплаченному интернету и горячему ужину! Думаешь, я мелкая, грязная, нуждаюсь во всей этой фигне?! – я указала на кабинет алгебры. – Думаешь, весело так проведёшь время?

– Ты не знаешь, о чём я думаю, – спокойно заявил Сева.

– И о чём же ты думаешь? – сложила руки на груди и нагло смерила его взглядом. – О чём может думать парень в светлом джемпере, когда смотрит на девчонку в чёрном потрёпанном спортивном костюме, у которой дырки на кедах? Что я грязь? Что я дочь алкоголички, которая будет тебе благодарна за уделённое вашей светлостью время?

– Нет, – он не улыбался, смотрел на меня пристально. – Я думаю о том, что год назад ты меня на олимпиаде по алгебре уделала.

Я резко увела взгляд в пол. Тогда было совсем другое время. Другая Леся…

У него были красивые кроссы на ногах. Чистые брюки…

Я даже рядом не хотела с ним стоять. Мы настолько разные, что за ручку по школе не получится.

Хотела съязвить, не смогла. Отвернулась и ушла.

Девочкам нравятся хулиганы. Мы, конечно, ошибаемся, думая, что бандит или хулиган — это сил и, защита. Я ведь тоже подумала, что Химер сможет меня защитить от матери и её собутыльников. На поверке оказалось, что чем аморальнее парень, тем страшнее существование с ним. То, что я не пью, не курю и не вступаю в интимную связь, остатки папиного воспитания. Но время диктует своё, и совсем скоро я стану очень плохой девочкой, потому что нельзя быть такой бесконечно одинокой.

Ещё девочки любят убогих и дурных. С убогими рождается приятная женскому сердцу жалость, и хочется заботиться о ком-нибудь и нянчиться с ним, а с дурными всегда весело. И в том, и другом случае девочки вскоре устают и разочаровываются в жизни.

Девочкам редко нравятся спокойные, добрые и умные парни, потому что не соответствует это возрастным запросам, где жизнь должна бить ключом.

А я хотела.

Тишины, покоя и любви.

Мне моя бешеная жизнь не нравилась.

Накинув капюшон, я побежала по школьной дорожке, усыпанной жухлой листвой. Поздняя осень уже утратила торжественные и яркие краски. Не осталось на деревьях золотой и багряной листвы. После обеда подмораживало.

А за школьной оградой — хвойный парк, а может быть, это лес на территории посёлка. Неширокая заасфальтированная дорожка, вся в колдобинах, укрыта тенью раскидистых деревьев. А здесь, как говорится, зимой и летом одна картина. Сосны восхитительно пахли, стояли тёмно и светло-зелёные. Но создавали мрачную атмосферу, потому что лесок глухой, дремучий, и что там, в глубине, творится, только токсикоманы знают.

Идти до дома недалеко, поэтому я не спешила и строила планы на вечер.

Чем займусь?

Пожалуй, я сделаю домашку по алгебре. Так, чтобы Сева удивился. Как я без его интеллигентных соплей обошлась.

Глупость.

Но я почему-то за этот принцип хваталась, как за спасательный круг.

Что если попробовать и действительно оставаться в школе делать всю домашнюю работу? Меня там подкармливают, тепло, уютно. Там, на первом этаже, Трэш ремонт делает за деньги. Он на стенах рисует детские рисунки для будущего детского сада, который откроют при школе в следующем году.

Чем я хуже?

Рисовать я, правда, не умею, но штукатурить смогу. Помещение под садик подготавливают, и таким отстойным, как мы с Никитой Савиновым, всегда найдётся подработка.

Эта мысль тёплой волной меня обвила и заставила вздохнуть полной грудью. Я ведь не такая, как мамаша. Я смогу пережить плохой период. Папа, думаю, мной бы гордился.

Резкий свист, я даже испугалась, содрогнувшись всем телом.

Химер шёл мне навстречу по узкой школьной дорожке, расставив руки в стороны.

2

Химер, он же Серёжа Часов, старший брат моей подруги Любки Часовой. Это её третировали носороги, когда в девятом классе она осталась единственной девчонкой.

По девичьей, детско-юношеской сопливой фантазии остаться одной в толпе носорогов — это так здорово и романтично! Столько внимание тебе одной. Только вот было Любе совсем невесело, потому что трое штанов попу от синяков не спасали, её постоянно щипали. Зажимали, домогались. Она никогда не красилась, одевалась как чучело на поле, а прохода всё равно не давали.

«А что такого?! – кричала дура Лерка Ложкина. – Девочки созданы для любви».

И завидовала Любе.

Если так посмотреть, то не для такой любви, которую все массово нам подсовывают, созданы девочки. Это настоящее насилие, после которого девочка резко портится и превращается в какую-нибудь Соньку Лядину.

Разве этого хочется?

Мне нет.

Я хочу, чтобы за ручку по школе и до конца дней вместе. Хочу тихо, скромно, без страстей и скандалов, я с маминой пьянкой насытилась этим добром.

Но куда ни сунься, «девушка-создана для любви» — означает разврат.

До этой мысли я дозрела не сразу. Когда Химер вышел из тюрьмы и вернулся в посёлок, я хотела пойти именно по стандартному развитию сюжета. А когда нескольких носорогов из Любкиного класса увезла скорая, я влюбилась в такого геройского героя и защитника.

Химер гулял с одной бабой, избивал её, потом другую заводил. А я влюбленно на него смотрела и считала, что меня он точно бить не будет. Сказала ему, что хочу с верным мужчиной быть, и мне скоро восемнадцать.

Это был первый раз, когда Химер меня чуть силой не взял. Ещё я от него получила пару раз именно за то, что сопротивлялась.

Как же быстро ушла моя любовь. Прибавить к этому страшные истории его подружек, и я только окольными путями до школы и домой, на тусовках не бывала.

Встретить Химера на школьной дорожке было для меня настоящим кошмаром.

И если б он был трезвый, я бы ещё поговорила с ним издалека, но вид у него был бледный, а походка макаронной. Он долговязый, уродливый и нет нескольких зубов в улыбке. Бывало, он ездил в город, пропадая на несколько недель, потом возвращался с деньгами, красиво одетый. Первым делом он появлялся у меня, пытался соблазнять шмотками и сытой жизнью и, получив отказ, сваливал по девкам.

Так что с одеждой у него было всё в порядке. Шёл в осеннем пальто, джинсах и белой рубахе, что уже была заляпана.

– Камора! Любовь моя! Иду тебя встречать со школы, детка!

– Химер, не пугай меня! – я стала пятиться назад.

– Папочка с лаве приехал, пошли подарки распаковывать!

Я, вцепившись в свою сумку, рванула в обратном направлении со всех ног через ворота. Резко остановилась, потому что на пятачке у школы стояло трое одноклассников.

Сашка Верещагина от парней ничем не отличалась: она крепкая, с короткой стрижкой и морда кирпичом. Васин умиротворённый, словно дзен поймал. И Сева Бычков, уже приметивший взглядом меня, потом Химера.

Гражданин бывший уголовник, которому я не так давно пригрозила статьёй за связь с несовершеннолетней, подумал, что я одна у лесочка, и решил меня догнать.

Но ему наперерез кинулся Бычков. Рванул так резко, что я ахнула. Мигом оказался возле меня, я ничего сообразить не успела. Только испугалась ещё сильнее. Мозг не сразу сообразил от кого я бегу. Уже дёрнулась в сторону входа в школу, но Сева… Руками горячими взял меня за плечо и медленно стал перемещать моё напряжённое тельце за свою широкую спину.

Химер тоже остановился. Он пьяно смеялся, чуть наклоняясь вперёд. Заметил Васина, и улыбка сползла с физиономии.

Тут нужно сказать пару слов о том, кто такой Лёша Васин. Его отец, бывший спецназовец, учился в нашей школе в своё время, и «Васин» стало почти именем нарицательным и означало что-то вроде «пришёл, увидел, навалял». И Лёха папину традицию продолжил. В свои семнадцать мог уложить толпу народа, потому что во время драк превращался в зверя. В такие моменты от него исходила дикая ярость. Все носороги его побаивались и не только они.

Было тихо. Мы все не двигались.

Стеклянными глазами Химер посмотрел на Севу. Пытался вспомнить или запомнить…

– Проводить? – спросил Бычков.

– Да, – я тяжело дышала, посматривая на своего соседа-уголовника.

И Сева спокойно пошёл вперёд, отгораживая меня от Химера, который неожиданно кинулся на парня.

Я закричала. С ужасом смотрела, как пьяный мужик пытается справиться с подростком. Сева ему не уступал. Они натужно боролись.

Сева выше, он старался мужика оттолкнуть, но тот упорно лез в драку, и тогда мой одноклассник… Тот самый, из приличной семьи, в светлом джемпере и отличной куртке-ветровке ударил Химера кулаком в лицо.

Пьяный Химер пошатнулся, стал грязно материться. Но опасаясь Васина, который мигом подлетел к нам, шарахнулся в сторону и, шатаясь, пошёл мимо пятачка по другой дорожке, что вела к многоэтажкам посёлка. Часов шёл, не оглядываясь, словно всё было по его плану… Я замечала, что он всегда настаивал на нашей с ним любви, но не сильно. И в этот раз, нарвавшись на сопротивление, спокойно пошёл своей дорогой.

Сева встряхнул руку, которой ударил Химера.

– Осторожней, – сказал ему Васин, провожая карим взглядом уголовника, который время от времени сплёвывал кровь.– Один раз не рассчитаешь силу, вырубишь или грохнешь.

– Я вроде нежно, – усмехнулся Сева и на меня искоса глянул.

Бычков улыбается. Зрелище крайне редкое, как снег в пустыне, и приблизительно такое же завораживающее.

– Не реви, – чуть слышно прошептал он.

Я даже не заметила, когда из глаз слёзы полились. Отвернулась от него сразу и вытерла всю влагу с лица.

Мы дружно двинулись в сторону школьной дорожки, окружённой соснами и елями.

Я не поднимала глаз, видела только Севкину обувь. Он ничего не говорил, шел неспешно.

– Я думала, Химера в городе застрелили. Давно не было видно, – опасливо шептала Сашка Верещагина, то и дело глядя назад. – Принесло скотину. Опять весело на улице будет.

Я шла следом за своим заступником, пытаясь уловить аромат его лосьона для бриться, но запах хвои перебивала его. Сева был таким большим, таким горячим и спокойным…

Голова, как обычно, рисовала какие-то глупые романтические картинки, но я от них отмахивалась, потому что всё было очень страшно.

– Сев, ты будь осторожен, Химер опасный, – попросила я.

– Обязательно.

– Я серьёзно.

– Я тоже.

Компания у нас собралась, что надо. Шли почти километр в молчании. Лес расступился, дорожка побежала между заборами и закончилась автобусной остановкой у проезжей части.

Ни слова не сказав, мы дружно встали под козырёк рядом с людьми, ожидающими автобус.

Лёшка Васин глянул в свой телефон и прищурился.

Он не был местным. Его семья жила в деревне, сюда он ездил только на учёбу и уезжал домой по проездному билету на рейсовом автобусе, что с федеральной трассы заезжал в посёлок, собирая учеников со школы и людей, которые работали на комбинате или фабрике.

Парни попрощались крепким рукопожатием. Сашка тоже Лёшке руку пожала. Я только кивнула, натянув улыбку.

Васин вначале вежливо пропустил всех старух в автобус, потом зашёл в него последним.

Никто никому ручкой не махал. Завтра с утра Лёшка приедет на уроки.

Мы остались втроём.

– Где живёте? – спросил Сева.

– Мы сами, – тут же ответила я и отвернулась, потупив взгляд.

Почему-то я знала, что он смотрит на меня. Нужно было поблагодарить за то, что заступился. Меня бы в любом случае защитил Лёшка Васин, потому что он никогда девчонку в обиду не даст. Но Сева первый подбежал.

Слабачку защищать. Он видел, что я расстроена. А я не хотела ему показаться слабой мямлей.

Слёзы, сопли, страх. Вот такой он меня увидел.

А я не такая.

Или такая?

Слабых девок парни не любят. Об таких только ноги вытирают.

Я схватила Верещагину за руку и потащила через дорогу к частному сектору, где располагались наши дома.

– Ёх-хо- хо! Камора сразила Бычкова наповал своими слезами.

– Заткнись, – огрызнулась я.

– Да ладно, Лесь, – Верещагина панибратски закинула мне на плечо свою ручищу и разлохматила мои волосы. – Где это видано, чтобы Бычков на девчонку пялился, ещё и до дома провожать вздумал. Его же пробить два года не могли. Даже голые перед ним бегали.

– Серьёзно? – ошарашенно уставилась на неё. – Вот дуры. Вдруг у него девушка есть по переписке, и он верность хранит.

– Ага, – ржала Сашка. – Именно об этом ты и думала, когда перед ним попой крутила.

Я ударила её в плечо, она ещё громче рассмеялась.

– Да мы сами в шоке: ты перед кем-то так выделывалась хоть раз в жизни?! – она стала показывать жестами, медленно сводя ладони друг к другу. – Как две шаровые молнии, молчали, тряслись два года, а потом херак! – Сашка хлопнула в ладоши. – И теперь вы у нас сладкая парочка.

– Верещагина не придумывай, – усмехнулась я, залившись краской.

Дурацкая особенность организма: чуть что, сразу краснею.

– Если серьёзно, – Сашка закинула мне руку теперь на шею, тем самым наклонив вперёд, и стала нашёптывать, – он на тебя с прошлого года пялится. Просто они с Васиным скромняги.

– Ничего себе скромняги! Он, похоже, Химеру зуб выбил.

– Сева крут, не спорю, – восхищённо выдохнула Сашка.

– Лишь бы Химер мстить не начал, – обеспокоенно прошептала я.

*****

Река делает крюк и убегает в тайгу. И посёлок, словно на полуострове расположен. Имеется культурный пляж со стороны центральной части посёлка, там всё организовано для отдыха

трудящихся: есть кабинки, места для пикника и туалеты. Там убирает местная администрация, и стоят мусорные контейнеры. А берег со стороны частного сектора усыпан пристанями и лодочными гаражами. Туалеты и место для пикника в любом месте, где удобно.

– Как мать? – спросил дед-рыбак, знавший мою маму совсем маленькой. Старыми темными руками закидывал в полиэтиленовый пакет свежую рыбу. Его просаленный охотничий костюм пах рыбалкой и костором.

– Пьёт, – тихо ответила я.

– Беда, – вздохнул старик. – Ты учись, папка твой хотел, чтобы ты высшее образование получила.

– Как получится, – нехотя ответила я. Взяла пакет и соскочила с его лодки на пристань. – Спасибо.

– Пожарь. Масло есть?

– Есть, – кивнула я и пошла домой.

Участок наш в этом году зарос травой. Кусты никто не стриг, они даже осенью надёжно прятали покосившейся забор. Калитка была закрыта. Одиноко стояла собачья будка без жителя. Тузик убежал. Я его отпустила, когда нечем стало кормить, и он ушёл от нас. Сквозь деревянные мостки просачивалась вода, когда я по ним шла. Потемнело старое крыльцо и скамейка, которую сделал ещё мой дед, и папа с гордостью рассказывал, что пацаном ему помогал.

Папа так много хотел сделать. Облагородить территорию перед входом, как он сделал за домом. Ничего не успел.

Папа умер от сердечной недостаточности. Мама, когда он умер, сказала мне очень важную вещь. Я запомнила навсегда.

В современном мире разрушена семейственность. Мы не жили с родственниками и не хотели с ними знаться. В этом виноват именно папа. Он был гордым, независимым и немного злым. Он запрещал маме работать, и она, в основном, сидела дома без образования и каких-либо навыков. Даже документами папа занимался сам. А мама вышивала, убирала, готовила, помогала мне делать уроки, поэтому я всегда была отличницей, водила меня на музыкальный кружок. В доме был свой хлеб, колбаса. Мама держала хозяйство.

А когда папы не стало, она потерялась. Потому что муку и комбикорм покупать не на что, а за свою жизнь она никогда не работала. Она даже в квитанциях за свет не разбиралась.

Вот вам и сильный, властный мужчина, на много лет старше, за которым как за каменной стеной. Стена рухнула — мир разрушен.

Мама вырвалась на свободу. Как больная, как остервенелая.

Она в первые дни пьянки, когда начали к ней заходить местные мужики, говорила, что наконец-то живёт полноценно. Ей даже нравилось, что вокруг люди, и все с ней общаются. Сколько я ни пыталась докричаться до неё, всё бесполезно. Её «люди» вытащили холодильник, микроволновку, моё пианино, часть моей одежды. По посёлку шатаются мужики в папиных рубахах и ботинках.

Мама опомнилась, но было поздно. Вроде хотела пойти на поправку, но опять не справилась с этой жизнью. Потому что нельзя быть такой беспомощной. Нужно вначале себя сделать. Что-то из себя представлять. И если не образование получать, то хотя бы работать уметь, получить какие-то навыки в этой жизни. А потом уже спокойно строить семью и рожать детей. Потому что муж и не просто умереть может, а вон как у Лерки Ложкиной, взял и ушёл к другой женщине.

И что?

Как одной с ребёнком на руках?

Ни денег от мужа, ни помощи. Но у Лерки мать деловая, не пропала.

Вот с такой философией я пошла в одиннадцатый класс. И не справилась, как мама. Не смогла учиться дальше. Но я буду работать. Пока не знаю кем, но так легче, чем учиться.

В доме было тихо и холодно, ужасно воняло пьянкой. Я прошла на кухню и положила на стол пакет с рыбой. Отправилась искать маму.

Она лежала в своей комнате на кровати, закинув предплечье на глаза. Кофта помятая, юбка порвана и колготики тоже.

Я никогда не знала, что такое алкоголик, пока он не завёлся в моём родном доме.

– Мам, я пришла, – сказала я для проформы, не надеясь на ответ.

– Хорошо, доченька, – она ответила...

Нормальным, трезвым голосом!

Школьная сумка соскользнула с плеча, и я подбежала к кровати, аккуратно села на край рядом с мамой.

– Мам, давай врача вызову, – я даже кулаки сжимала от напряжения. – Увезут в наркологический диспансер в город. Помогут. Мы сможем все заново начать.

– Плохо мне, – синими губами сказала она. – Если вечером не полегчает, вызовешь.

Это так ошарашило. В хорошем смысле.

У меня столько энергии появилось!

– Я сейчас рыбу пожарю, дед Валера подарил. Будешь кушать?

– Нет. Мне отлежаться надо.

– Лежи, лежи, – я прикрыла её ноги одеялом. – Мам, всё будет хорошо. Вот увидишь. Мы даже уехать можем в город.

Она улыбнулась, и я прилегла к ней. В щёку поцеловала.

– Уборку сделаю, отопление включу.

– Лучше печь растопи, платить нечем за электричество.

Платить нечем, а бухаем каждый день. Но это я не сказала. Радость от того, что мама наконец-то выздоравливает, затмила все прошлые обиды. Я выбежала на кухню и принялась чистить рыбу.

Нашла масло растительное и муку. Горячей воды не было, бойлер мамины собутыльники тоже продали, поэтому я поставила чайник. Решила голову помыть и посуду.

Мы с мамой хорошо заживём. Уедем отсюда, чтобы не видеть этих алкоголиков, и пойдём работать.

Рыба жарилась, посуда была замочена, печь топилась. На голове полотенце.

Пол потом решила вымыть. Быстро наводила порядок. Дров почти не осталось, поэтому… Надо было думать, как дальше жить.

Подсушив волосы, я вернулась к маме. Она смотрела на меня и улыбалась.

– Какая ты красивая у меня. Посиди со мной.

Я быстро присела рядом и взяла её холодную руку в свои ладони.

– Волосы какие стали, – мама трогала влажные пряди, и мне казалось, что она сильно постарела. – Как у отца, светлые.

– Мам, давай покушаем. Пожалуйста.

– Нет, Олеся. Иди одна поешь. Я потом.

Она отвернулась, как сильно больная простонала. Но я не сразу ушла, ещё посидела рядом.

Рыбы оказалось очень много. Решила оставить маме, остальное сунула в пластиковый контейнер, относительно чистый, и, накинув спортивную куртку, выбежала из дома.

К вечеру стало совсем холодно. Загорались фонари. Людно, машины ездили. Соседи с работы возвращались. Я прошла до конца нашей улицы, там в красивом срубе топилась печь.

Это дом Ромки Шишкова. Отчим его после пожара, в котором погибла жена, мать Шиши, перестал на время пить и отстроил новый дом. А потом опять запил.

Ромка стоял во дворе и трепался по телефону. Заметив меня, быстро направился к забору.

– Здорово, Леська! – улыбнулся во все свои нечищеные зубы. Чёрный замарашка

– Рыба жареная, – подала ему контейнер.

– Вау! – голодный Шиша схватил еду и сразу запихал себе в рот пару рыбин. Набитым ртом пробубнил. – Выходи за меня замуж, Камора.

– Хотела бы я посмотреть на ту ненормальную, которая за такого, как ты, замуж выйдет, – рассмеялась я.

– Я на новенькой женюсь, – Шиша пересчитал рыбины. – Так, надо Трэшу отнести.

– На Аньке что ли? На Белой Плесени?

Пришла к нам пару дней назад новенькая, пришибленная девка. В юбке, когда вся школа только в брюках ходит. Бледная поганка. Мямля какая-то. Если б не Катька Тугарина, за которую эта Плесень уцепилась, убили б нафиг сразу. У нас забитые не живут в школе. Для слабых места нет.

– Не называй её Плесенью, – насупился Шиша.

– Это твой любимый Трэш придумал прозвище, – напомнила я. – Что на блондинок потянуло?

– Ага, – довольно улыбнулся парень, который, как я подозревала, уже был опытным. Потому что шлялся по притонам, а там чего только нет. – Вот ты русая, а Анька просто белоснежная.

– Смотри не испачкай своими грязными ручонками, – я поёжилась от холода. – У меня мать пить бросила.

– Женский алкоголизм не лечится, – заметил Шишков и вышел ко мне на дорогу.

Мы вместе пошли с ним от его дома, где скорей всего уже собрались друзья-пьяницы отчима.

Не попрощавшись, мы разошлись в разные стороны на перекрёстке. Как-то само собой забылось, что я хотела сделать уроки. Зато сытые. Ромка тоже иногда кормил меня. Это так заведено: помогать друг другу.

Пожалуй, с такими одноклассниками не пропадёшь.

В доме горел свет, когда я подошла ближе. Я улыбнулась. Маме, наверно, полегчало.

Радостная забежала во двор, влетела в дом. Печь топилась, было светло...

Эта помятая баба, что сидела у нас за столом, была родной матерью Трэша. Тётка Лида. Пришла с бутылкой водки и какой-то закуской. И мама выздоровела. Выставляла красиво на стол остатки жареной рыбы.

Мне посуду мыть перехотелось и уборку делать тоже. Глядела разочарованно и убито, как женщины разливают по стаканам алкоголь.

– Как Олеся выросла! Красивая! Для моего Никитушки невеста, – заплетающимся языком сказала мамина собутыльница.

Первый порыв — разбить бутылку об её голову.

– Отличница, поступать будет, – сказала мама и чокнулась с тётей Лидой. – Пусть они лучше нас живут.

– Только счастья желаю своему сыну.

– Олеська, посуду помой! – кричала мне вслед мамаша, когда я бежала наверх по лестнице на свой законный чердак, в свою комнату.

В горле встал ком. Глаза зажгло. Я хлопнула дверью, закрывшись на замок, и заорала во всё горло в пустую холодную комнату, где стояла кровать у окна, стол и шкаф двустворчатый. Все папа своими руками сделал.

– Зачем ты умер?! – крикнула я. – Посмотри, что ты наделал!!!

Я сделала шаг и упала в свою постель.

Я ревела и кричала в подушку, содрогаясь всем телом. Мне этого не хотелось всего…

Они ушли ближе к ночи. Тогда я вышла из комнаты, заперла входную дверь. Постирала своё бельё и вернулась спать наверх, где тоже закрылась на все замки. Мамаша может вернуться не одна.

Не спалось. В окно лился лунный свет. Я не могла ни о чём думать и даже мечтать больше не могла.

Сигнал сообщения на телефоне не сильно обрадовал. С незнакомого номера пришло:

– «Всё в порядке?»

Это уже седьмой раз за год Любка меняла номер телефона. Проблема была в том, что один из носорогов до неё до сих пор докапывался и всё время узнавал её номер. Рон Корсаров. Это его Химер избил, и парень в больнице провалялся. А всё равно от Любки не отстал.

Вот это любовь!

– «Зашибись, сегодня тихо. Чем занимаешься?»

– «За компом, играю, смотрю новости».

– «А у меня мать ноут пропила. Прикинь, стерва».

– «Ого!!!»

– «Ничего в доме не осталось, шаром покати».

–«Ты сама не пьёшь?»

– «В своём уме?! Я никогда в жизни не прикоснусь к этой гадости!»

– «Не расстраивайся. Хочешь, я позвоню?»

– «Как не расстраиваться? Я пришла домой, она лежит трезвая. Уже надеялась, выбираться вздумала. Обрадовалась, как дура, посуду помыла, ужин приготовила для мамочки. Только до Шишкова сходила, возвращаюсь: уже сидит с мамашей Трэша, водяру кушает».

– « А к Шишкову что ходила?»

– «Твой дед с рыбалки приехал, рыбы мне дал. Я нажарила и половину Шише, у него же тоже отчим вечно пьяный».

– «Успокойся, прямо чувствую, что ты на взводе. Чем занимаешься?»

– «Всё бельё постирала, лежу голая, мёрзну. Не могу согреться».

– «Я б тебя согрел».

Смотрю на сообщение и понимаю, что я полная дура. В голове перебираю список мужиков, которые могут получить мой номер телефона.

– Бли-ин, – откинула телефон и закрыла глаза. – Бычков, только не ты, только не ты.

Ладно, я лохушка до конца.

– «Люба, ты что пишешь?» – быстро напечатала.

– «Я не Люба, я Сева»

– «Ты — гад, Сева!»

Отключила телефон и взвизгнула от неожиданности: в окно кто-то лез.

3

– Идиотка! – сквозь смех ругалась я на Сашку Верещагину, которая залезала в мою комнату. Я, прикрывшись одеялом, закрыла за ней раму. – Ты что творишь? Дверь вообще-то есть.

– Я стучала, – Сашка сняла свои шлёпанцы.Куртку спортивную сразу скинула. На поясе широких мягких штанов затянула веревку.

Майка подчёркивала полное отсутствие груди и мощные плечи с толстыми руками. У Сашки гормональный сбой. Очень много мужских гормонов в организме, поэтому ведёт себя неадекватно. Показала мне предплечье, на котором был выбит рисунок оскалившегося бульдога.

– Папаша из дома за наколку выгнал, – Куча бесцеремонно забралась ко мне в постель и устроилась у стены.

Она забавная. Нагленькая, но родителей боится.

Под голову Сашка подложила бархатный валик синего цвета от дивана, что я прижимала к себе во время сна. Удобно.

Теперь Сашку буду обнимать.

– Подралась опять с ним? – строго спросила я.

– Ага, – удручённо призналась Верещагина. – С тобой буду спать.

– Я голая.

– Я пока не лесбиянка.

– Пока? – усмехнулась я и легла рядом с ней. Невольно прижалась, потому что Сашка была мягкой и горячей.

– А что? Если меня так колбасит с этими гормонами. Врачиха совсем озверела, сказала, лет десять пить надо. А я с них жирею. И вообще читала, что от гормонов этих опухоли растут.

– Не пей, – сонно ответила я.

– Так и не пью уже. Лучше усы под носом, чем сдохнуть раньше времени.

– Усы растут?

– Да.

– Сашка, – захихикала я и уткнулась ей в плечо. – Что за жизнь у нас с тобой ненормальная?

– Это всё школа виновата, – гоготнула Сашка. – Вот закончится, и не буду заморачиваться.

Странно, что я так же думала. Мне почему-то всё время казалось, что двадцать седьмого января, в день моего рождения, жизнь изменится. Я стану совершеннолетней. Это какая-то черта, за которой иной мир.

Проснулась я от того, что Верещагина захрапела. За окном была темень. В комнате сильный холод, а под одеялом тепло. Я дотянулась до своего телефона.

– Сашка, в школу пора, – я толкала подругу в бок, а сама смотрела, не пришло ли сообщение. Пришло от Любки, будь она неладна. Я вообще-то Бычкова ожидала. На гада обиделся? А что обижаться, когда такой и есть.

«Химер появился, спрашивал, с кем ты в школе гуляешь. Лесь, будь осторожна, у него неприятности, он в посёлке не отсидится».

«Люба, голову включи. Это ты будь осторожна, ты же сестра».

«Ага, а ты его девушка».

«Глупость!»

«Но он-то всем рассказывает именно это».

– Семейка идиотов, – фыркнула я и поднялась с кровати. Закутавшись в покрывало, побежала вниз за одеждой.

Мать так и не вернулась, и я пожелала от чистого сердца, чтобы она пропала и замёрзла где-нибудь в подворотне.

Бельё моё высохло. Погладить было нечем, но я уже заяц стреляный, так развесила, что одежда оказалась не сильно мятой. Задубев насмерть, я поставила чайник.

– Слышь, Камора! Пошли ко мне чай пить! Мне стрёмно одной, а с тобой батя не выгонит.

– О!!! Сашка, – тряслась я, – Пошли. У вас сто процентов тепло в доме.

Это вначале мне было стыдно что-то брать у чужих людей, кушать в школе бесплатно. А потом ничего, справилась со своим стыдом. Это, наверно, как с покалеченной любовью. Попадёшь к какому-нибудь Химеру, он тебя испортит, и ты, порченая, воспринимаешь всё как должное, даже не вспоминая о своём смущении.

– У тебя куртка осенняя есть? – кричала мне Сашка на бегу.

– Зимняя, осеннюю спёрли, – отвечала, стуча от холода зубами.

Мы не добежали до калитки Сашкиного дома, прямо перед нами, завизжав тормозами, остановилась машина. Из новых иномарок. Окно опустилось, и нарисовалась довольная морда закадычного дружка Химеры.

– Привет, Лесь!

– Здрасте, – я обходила стороной машину.

– Химер сказал, что ты по одноклассникам пошла. Давай до школы подвезу.

– Я несовершеннолетняя. Статья, не забываем, – я шмыгнула за Сашкой в их двор и быстро закрыла калитку.

У родителей Верещагиной более приличный забор, высокий и железный.

– Прикинь, Саш, какая у меня слава. А я ведь девочка.

– Это как с Сонькой Лядиной. Она тоже с Максом Котовым в пятнадцать лет поцеловалась, красится, одевается, вот тебе и потаскуха.

– А она не такая? – искренне удивилась я, заходя в тёплую красивую прихожую.

– Не-а, – Сашка спряталась за мою спину.

Папа у Саши приблизительно такой же, как набитый на Сашкином плече бульдог. Возможно, поэтому наколка ему не понравилась: увидел своё отражение. Он грузный, обвислый и страшно злой. И у этого не очень приятного мужчины невероятно красивая добрая жена и три дочери. Сашка старшая.

Иногда мне кажется, что они слишком сильно хотели сына, поэтому у несчастной Кучи теперь такие проблемы. У неё единственной из всех дочерей с гормонами не лады. У двух младших малышек всё в порядке. Они – «девочки-девочки»

– Здравствуйте, дядя Толя, – я демонстративно протянула руки к обогревателю, мастерски прибедняясь: – Я Сашу подожду, мы в школу.

– Проходи, Олеся, чаю выпьешь.

Дело сделано, меня ждёт шикарный завтрак.

Дядя Толя был одноклассником моего папы. Смерть друга перенёс очень тяжело. Ещё хуже переносил то, что стало с моей матерью. Он иногда у неё хлеб, колбасу и яйца покупал, теперь запустение по соседству очень плохо на него действовало. Толя ходил мрачный и прибавлял в весе. А меня любил. Он пока ещё не знал, что я скатилась по учёбе окончательно и уже никакая не отличница.

Что-то забытое: тёплый кров и сытный завтрак за общим столом.

Сашка спустилась к столу причёсанная и в новом спортивном костюме. Села рядом со мной.

– Мам, можно я Леське куртку осеннюю подарю, которая мне мала.

Родаки Верещагины натянули улыбки.

– Конечно, Александра, – кивнула добрая тётя Лена. У неё уже причёска и макияж наведен. Она работала на деревообрабатывающем комбинате юристом, поэтому хорошо зарабатывала. И дядя Толя там же работал инженером.

Они налили мне чай, предложили горячий бутерброд. Я из последних сил сдерживалась, чтобы не накинуться на еду.

– Леся, – осторожно начала тётя Лена. – А ты знаешь, где твоя бабушка живёт?

Я с набитым ртом ничего сказать не могла, поэтому отрицательно покачала головой.

– Надо её найти. Ты не должна жить в таких условиях, – более жёстко сказал дядя Толя.

– Папа запрещал с ней общаться, – я пила чай, старалась на них не смотреть.

– Это не значит, что у тебя нет бабушки, – Лена подсунула мне ещё один бутерброд. – Ты можешь пока жить в городе, ездить сюда в школу. Или перевестись.

– А как же мама? – уставилась на неё. – Она же пропадёт.

Мелкие сестрёнки Саши, как с другой планеты, играли между собой, не замечая взрослых разговоров. Зачем ждать восемнадцати лет, когда взросление от возраста не зависит. Вот она беспечность и лёгкость... сидят мелкие без проблем, а умри родители… Хотя нет, у них Сашка, она не кинет. Она бойцовская девка и не такая соплежуйка, как я.

– Олеся, ты маму не вытащишь, надорвёшься, – вздохнул дядя Толя. – Тебе надо сейчас о себе подумать, а мы с соседями помогли бы твоей маме выбраться.

– А сейчас помочь нельзя? – что-то у меня аппетит пропал.

– Тебя всё равно надо определить куда-то.

– Так настучите! – возмутилась я. – Телефоны найдёте. За мной быстро приедут! А мне всего три месяца осталось до совершеннолетия! Я вас объела, что вы мне зла желаете?

– Камора, да ты что? – обалдела Сашка, глядя, как я быстро вскакиваю и отхожу от стола.

– Спасибо, было вкусно!

Я побежала из их дома.

Я ненавижу свою мать. И люблю сильно. У меня нет, кроме неё, никого, и мифическая бабушка меня вовсе не интересует.

Шнурки на кедах я завязывала уже во дворе их дома. Сумку перекинула через плечо, капюшон на голову накинула и побежала. Буду здоровой и не замёрзну от дома до школы.

Я убегала от Верещагиной, она тоже здоровая девка и бегать привыкла.

– Стой, Леська! – кричала она.

– Догони! – со смехом отвечала я.

– Догоню, плохо будет!

– Ага, ты попробуй.

Она догнала почти у остановки и той самой тропинки, что шла через хвойный лес. Ударила меня по спине, и я нагнулась вперёд, пытаясь отдышаться.

Сашка на меня накинула куртку и сунула в руки расчёску с резинкой для волос.

Вот кто обо мне так позаботится? Станет лесбиянкой, будет обалденным парнем. Я даже ревновать начну. А потому что не существует таких парней. Все уроды моральные. Всем только одного и надо.

Куртка была светлой, тёплой и очень удобной. Велика мне, но дарёному коню в зубы не смотрят. Мы шли медленно вместе с потоком учеников, и я на ходу расчёсывала волосы.

– Всё, Сашка, можешь пол менять, я за тебя замуж выйду.

– А тебе много не надо, Камора, – хмыкнула она. Чем ближе к школе, тем наглее её лицо. – Бычкову скажу, что расчёска и куртка — путь к твоему сердцу.

– Идиотка, – обиделась я.

Кто-то неудачно прошёл мимо нас, толкнув Сашку по плечу.

– Куда прёшь, мудило! – заревела Куча и полезла драться с носорогом из десятого класса.

****

Он пришёл сегодня в чёрных джинсах и серой кофте, что обтягивала его атлетическую фигуру. Он побрился и зачесал волосы на бок. Сева у нас как выхухоль в брачный период. Ахали девочки девятиклассницы, на всё готовые ради его внимания. И померк на его фоне красавец и звезда школы Максим Котов из параллельного класса.

Наверно, если бы у меня была нормальная жизнь, я бы тоже сегодня накрасилась, надушилась и пришла в юбке, чтобы сразить Бычкова наповал.

Увы, Сева, довольствуйся тем, что есть.

А ему вроде и так сойдёт. Ни на кого не смотрел, как обычно. Кто из девок знакомиться подходил, рычал на них, бурчал что-то. Тем, кто окликал через весь гардероб, не отвечал вовсе.

Я вначале прошла к лестнице, а потом вернулась. Забыла, что теперь куртка есть и нужно её в гардеробе оставлять. Сева, который шел за мной, так же резко повернул и… Пошёл следом.

– Что надо? – недовольно спросила я, даже не поворачиваясь.

– Бельё высохло?

– Нет, влажное. Хочешь потрогать? – повернулась к нему.

Он не улыбался. Смотрел на меня… Я даже не могла понять, как он смотрел. То ли изучал, то ли что-то задумал.

– А можно? – тихо, всё так же без улыбки спросил Сева.

– Нет, нельзя, – хмыкнула я.

– Облом, – так же невозмутимо вздохнул Сева и пошёл следом за мной в сторону спортзала.

Ничего удивительного, что перед парой русского языка у нас физкультура. Сейчас мы побегаем, проснёмся, устанем и будем тихо сидеть на уроках нашей классухи.

– Сева, ты так и будешь за мной ходить? – глянула на него.

– Не нравится?

– Это я только попой покрутила, а что будет, если поцелую? Думаю, ты женишься на мне и будешь валяться у моих драных кроссовок всю жизнь. Да?

– Да, – с олимпийским спокойствием ответил он.

Что-то как-то не по себе стало. Похоже, я этого Себастьяна не знаю совсем. Что там скрыто внутри?

А что, если Сева — самый конкретный из всех конкретных мужчин этого мира? Если верить Сашке, то он на меня смотрит неоднозначно уже два года и… Он только ждал от меня какой-то реакции, которой, естественно, не было до вчерашнего дня.

А как я могу кому-то давать какие-то знаки, когда я однажды улыбнулась Химеру, ляпнула что ни попадя, и теперь все его знакомые желают меня обглодать после того, как Химер насытится. А то, что Химер и не пробовал, никого не волнует. Так что я — группа риска, волчья сыть и отброс в глазах общественности.

И тут от одиночества и собственных «несбыточных мечт» я внезапно кручу попой перед глазами понравившегося парня.

Бычков получает взмах красной тряпки… Нет, он слышит выстрел из стартового пистолета и… Всё, до финиша. Осталось только выяснить, что в его понятии «Финиш». А то вдруг постелька, а я тут уже обрадовалась.

– Вначале женишься, потом посмотрим, – рассмеялась я.

У него на лице появилась улыбка. Он протянул мне свою руку.

Это то, о чём я вчера весь день мечтала. Рука парня, за которую я буду держаться и тихо ходить рядом с ним по школе.

Я растерялась.

На самом деле это оказалось не так-то просто: дать согласие водить меня за ручку.

Мои пальцы потянулись к его ладони. Словно я маленькая девочка, касающаяся ладони большого, сильного отца.

Основа жизни, которую можно потрогать.

Белая ладонь с чёткими линиями. Большая, вызывающая у меня трепет.

Я чуть коснулась её.

И... Меня будто ударило электрическим разрядом. Дрожью от пальцев по телу пробежало приятно-болезненное ощущение. Волосы шевельнулись, и дыхание затаилось.

Вот оно, сокровенное. Такое таинственное и закрытое от меня.

Любовь.

Первая любовь.

Мне нельзя так думать, нельзя так ярко чувствовать, потому что от этого притупляется реакция, и я становлюсь слабой. А слабую… Да-да, со слабой, влюблённой можно делать всё что захочешь.

Но и убрать руку я не посмела.

Его красивые длинные пальцы сгибались, закрывая мою руку. Как цветок собирает лепестки в один бутон, укрывая свои пестики и тычинки от ненастной погоды.

Накатывали слёзы, я замирала. Ноги слабели, и я вся размякала.

– Не бойся, – вдруг услышала я его тихий, ласковый голос.

Что? Я боюсь?

Но возмутиться не получилось. Сева крепко держал меня за руку и уже обратил внимание на Лёшку Васина.

– Здорово, сегодня совместный? – спросил Васин, протирая сонные глаза.

– Да, Хрен с Горы.

Мы медленно пошли втроём в сторону спортивного зала. Не совсем втроём, Куча нас догнала и с разбега запрыгнула Лёшке на спину.

Васин никогда не обижался и никого из своих не бил. Так что подхватил Сашкины ноги и стал прыгать, выбивая из орущей матом Кучи всю её утреннюю дурь.

Совместный. Хрен с Горы. Это местный сленг, никому непонятный. Дело в том, что уроки физкультуры часто были совместными. И десятый класс, тот самый, в котором одни носороги, присоединяли к нам или к параллели. Никто из женщин такие уроки не вел, только мужчины-тренеры.

В нашем случае вёл физкультуру на объединённых уроках накачанный взрослый мужик. Ничего удивительного в его кликухе не было, потому что он Владимир Амосович Хренгоров.

Он был таким здоровым, что у него руки по швам не складывались, от бицепсов. И ходил он по школе, как самец гориллы по джунглям. И таяли, таяли педагогические ромашки в очочках и без, разведёнки и замужние, потому что Хрен с Горы был вдовцом с двумя взрослыми детьми, которые с ним не жили.

Мы пропустили орущих носорогов в раздевалки. Зашли самыми последними перед звонком. Сева должен был переодеться, а я так.

Я запомнила все прикосновения, твердость и мягкость его кожи. Не смела посмотреть на парня, только иногда на его руку. И боялась, что однажды этого мне станет мало, и я захочу большего.

В раздевалке я кинула сумку на скамейку, вспомнив, что даже не принесла нужные тетради и учебники на сегодняшний день. Как же теперь на учёбу настроиться, когда такой разлад в жизни?

Повесила спортивную куртку на крючок и приподняла грудь в лифчике, чтобы краше смотрелась.

Побежала в зал.

С одной стороны зала у деревянных лестниц и турников, которых было в избытке, выстроились парни. Носороги, конечно, впечатляли. Даже те, кто ростом не вышел, были крепкими и поперёк себя шире. Наши уступали заметно. Сева с Лёшкой ещё ничего, а остальные дрищеватые.

Из девчонок пришли только мы с Кучей и Сонька Лядина с новенькой Анькой Белой Плесенью. Остальные на такие уроки не ходили принципиально.

Новенькая в каком-то жутком трико поверх шерстяных колготок и в свитере. На голове сахарный хвостик из тонких волос. У Лядиной, естественно, вся спортивная форма по пышным формам в обтяжку. И мы с Кучей, зимой и летом одним цветом, как ёлки у школьной дорожки.

Владимир Амосович повернулся к нам и состряпал умилённую физиономию.

– А что не прогуливаем? – протянул он.

– Отличницы, нам нельзя, – ответила Лядина, покачивая попой.

– И чем же вас занять?

– А пусть Лядина попрыгает! – крикнул кто-то из носорогов, и всё мужики дружно заржали.

– Идите, радости мои, возьмите мячики такие оранжевые, не коричневые и в кольцо покидайте, во-он в то, высокое.

Он отвернулся от нас, забыв до конца урока.

Погнал свой табун по периметру спортивного зала, грозно покрикивая, давая указания делать шире шаг. Потом остановил и велел каждому, кто стоит позади, взять за ноги впередистоящего. Сообразили парни «тачки».

Это так смешно смотрелось, что мы с девчонками стали откровенно хохотать.

Лядина исподтишка вытащила телефон. Где прятала, не понятно, он как-то невидимо притаился на одной из её ягодиц в кармане.

Тихо хихикая, мы сбились вместе и снимали, как парни тренируются.

– Софья Лядина! – заорал Хрен с Горы. – А что это за спортивный инвентарь у тебя в руках? Дай-ка я его метну!

Перепуганная Сонька стала прятать телефон, но поздно.

– Это, Владимир Амосович, женская игрушка! – кричали носороги.

– Когда девочкам скучно и одиноко!

– Об стену его, Владимир Амосович!

– Тебя сейчас об стену, – тренер с девочками сюсюкался, с парнями не церемонился. – Меняемся, дубинная роща!!! – заорал тренер и насильно отобрал у Соньки телефон. – Пусть мама твоя ко мне заглянет, может, и отдам.

Лядина скуксилась, расстроилась и пошла сидеть на скамейку.

На таких уроках жутко скучно. Тренер гонял носорогов минут двадцать так, что они потные еле ногами и руками шевелили. Устроил сильнейшее напряжение на все группы мышц. Мы с Кучей натянули сетку, ещё оставалось время сыграть в волейбол.

– А мы? – обиженно кричала Сашка. – Что за гендерное неравенство?!

Ей одной хотелось играть с мужиками в волейбол. Нам с девчонками хватило того, что Трэш вчера Катьке Тугариной руку вывихнул.

В общем, делать было нечего. Лядина пошла ныть и клянчить свой телефон обратно. Белая Плесень забилась в угол, Сашка разбиралась с тем парнем, который толкнул её на школьной дорожке.

Я отправилась в раздевалку, чтобы успеть сделать домашку по алгебре. Хотела ведь Севу удивить, а сама даже не притронулась к урокам.

Только зашла, а за мной следом ввалился Рон.

О, да!!! Это история с его страстью и жуткой плотоядной любовью к Любе Часовой достойна самых ярких кинокартин. Это он – Мирон Корсаров, симпатичный, между прочим, парень, жилистый и крепкий, преследовал мою подругу. Мало того, что он с одноклассниками в прошлом году дрался беспощадно за Любку, отвоёвывая единственную самку в их стаде, как настоящий альфа-самец, он ещё и домогался Любаву у неё дома. А потом его пырнул ножом и сломал пару рёбер брат Любы, Химер. Мирон лежал в больнице. Обычно животное после такого должно успокоиться, но в единственной извилине Корсарова заела пластинка, играла только: «Люба-любовь».

Я в ужасе шарахнулась. Испуганно зажалась всем телом, когда его руки меня откинули к стене, и я ударилась об неё затылком. Посыпались звёзды из глаз, и я с силой прижала кулаки к груди, ожидая удара.

Мирон кинул руки по обе стороны над моей макушкой. Замер, тяжело дыша. Вонял, как все носороги, потным загоном и низким интеллектом.

– Камора, не трясись. Скажи, куда Любава переехала? Ты же с ней общаешься! Есть номер телефона?! Леся!!! Да не трону я тебя, – он стал с силой оттягивать мои руки от груди, я в него ногой упёрлась и закричала. Он так мои запястья скручивал, что кожу зажгло бешено. Бедная Любка! С таким поклонником...– Где мне её найти?! Скажи мне!!!

– Ты охренел!!!

Сева влетел в женскую раздевалку, ухватил Мирона за плечи и с силой отшвырнул от меня к противоположной стене. Корсаров приземлился на раковину, сорвав её с кронштейнов. Железная раковина рухнула с грохотом на пол. В следующий раз поставят либо железобетонную, либо вообще бочку. Потому что даже в женской раздевалке происходят нешуточные бои. Куча подтвердит.

Рон моментом сгруппировался и забодал Бычкова, прибив его к стене рядом со мной. Я ещё сильнее заверещала, вскакивая ногами на скамейку.

Парни рухнули на пол в драке. Одному уже семнадцать, другому ещё семнадцать. По сути, полгода разницы в возрасте. Сева выше немного, но Корсар на драках тренированный и уже раненый неоднократно.

Влетел народ в раздевалку. Хрен с Горы всех раскидал и разнял бойцов.

Сева поднялся на ноги и заслонил меня собой.

Это может войти в привычку, стоять за его спиной и чувствовать, что он защитник. Сева тяжело дышал, кулаки его сжимались до белых костяшек. И я чуть пальцами тронула его спину. Он вздрогнул. Когда дрался, не трясся, а от моего прикосновения, которое почувствовал, встрепенулся.

– Ещё раз только подойди! – заорал Бычков.

Какой голос!

Он вот так вот может грозно орать, что даже Владимир Амосович охренел.

– Ещё раз только увижу рядом с ней!!!

Все съели? Вот так вот! Ещё только раз, и все получите.

Я подкусывала нижнюю губу и не могла избавиться от улыбки.

Быстро в своей куртке нашла носовой платок. Чистый, между прочим, и побежала к крану. Раковины не было, но кран уцелел. Холодной водой намочила ткань.

– Радости мои, быстро переодеваемся, у меня бойцы раковину сейчас будут ставить и полы мыть, – велел нам с девчонками Хрен с Горы.

Сева сел на скамейку, широко расставив колени и вытер кровь из-под носа. Он посмотрел на меня. Таким покорённым взглядом, что казалось, не он меня защищал, а я Рону морду набила.

– Вытру кровь, – тихо сказала я и подошла ближе.

Сева уронил руки на колени, и я, сделав шаг, оказалась в интимной близости с ним, словно в нежных объятиях ощущала жар его сильного тела. Аккуратно стала вытирать кровь с его красивого лица.

И втекала в меня и заполняла меня полностью томительная нега. Любовь моя первая, такая долгожданная и хрупкая. Такая трепетная и беззащитная, что страшно показать её, вдруг сломают.

Сева очень медленно стал замыкать круг своими руками. Продолжал смотреть на меня. И почти прижал к себе…

– Да я тащусь!!! – налетела на меня Куча, чуть не сбив с ног. – Вот это махач!

– Бычков! Не ожидала, не ожидала, – игриво протянула Сонька Лядина.

Я скривилась всем лицом и отошла от Севы в сторону. А девчонки что-то говорили ещё, Васин залез в женскую раздевалку подбадривать друга. А я с улыбкой закинула сумку на плечо и, взяв толстовку, ушла.

4

В классе было всего два свободных места. Не пришла Тугарина, покалеченная своим воздыхателем Трэшем. Он пришёл, зубоскалил Шише и что-то рисовал в своей тетради. Шум стоял невыносимый перед русским. Куча почему-то подсадила к себе Мошкина и отвешивала ему подзатыльники.

На первой парте сидела Анька Белая Плесень, покинутая Тугарой. В жутком бордовом свитере. Подняла на меня невинные голубые глазки и тут же опустила. Ресницы у неё, как мукой припорошенные. Мне она не нравилась, а вот Шише так очень. Ему черномазому контраста захотелось. Приличная девочка и полный отстой школы, выползающий из-под плинтуса, когда пора идти в столовку.

И ещё одно место было на среднем ряду, на нём лежала школьная сумка Севы, он её быстро убрал. Смотрел на меня и улыбался.

Я тоже улыбнулась, спокойно обошла Анечку стороной и села к Бычкову.

– У-у-у, – дружно завыл наш класс.

Мы с Севой… В общем, мы нашли друг друга. Глаза опустили и покраснели.

Больше ничего интимного между нами не произошло, кроме того, что Сева весь урок русского вникал в суть, а я балдела от того, что он рядом.

Яркий луч солнца проник сквозь серые тучи и залил золотом его густые волосы.

В классе тихо, потому что урок вела Маргарита Петровна — наша любимая классная руководительница. Все отстающие обязаны ей тем, что учатся в одиннадцатом классе. Она и поговорит, и подтянет, и слово доброе замолвит перед директором и завучем.

Я достигла своей цели. Так легко, что даже не верилось. Интересно, все мои цели будут так же осуществляться без проблем? Сева держал меня за руку. Мы молча ходили с ним от одного кабинета до другого. Потом так же в столовую, где молча сидели рядом. Никакого дальнейшего развития событий пока было не нужно, мне и так хорошо.

Мы остались одни в кабинете русского и литературы, потому что это был наш кабинет. Сняли на первой парте стулья и уселись.

Необычно, что вокруг тишина и никто в спину ручкой не тычет. Даже захотелось ночевать здесь остаться.

– Алгебра, – вздохнул Сева. – Будем тебя подтягивать, Леся Каморкина.

– Подтяни меня, подтяни, Себастьян Бычков, – тихо хихикала я.

Он сверху посмотрел на меня потемневшими глазами, и застыла на его губах улыбка.

– Это было пошло, – довольно протянул он.

– Пошлые здесь только ваши мысли Себастьян… Как вас по отчеству? – подперев подбородок ладонью и развалившись на стуле, внимательно смотрела на него, так же, как он на меня.

– Генрихович.

– Mein Licht ist aus, ich geh' nach Haus,– пропела я отрывок из детской песенки.

– Мой огонёк погас, я ухожу домой, – быстро перевёл Сева и в глазах мелькнули огоньки и уже не гасли, потому что это было нескрываемое восхищение. Он заворожённо прошептал. – Ты что, знаешь немецкий?

– Немного, – похвасталась я.

– А знаешь, каким может быть выражение, если показатель корня целое нечётное число?

– Не-а, – хихикнула я.

У меня пальцы чесались, хотела откинуть светлую прядь, что неровно падала на его лоб. Я рассматривала его так пристально, что он вроде перестал дышать.

– Оно может быть… – прошептал он, медленно наклоняя ко мне голову. И я стала так же медленно отдаляться. Потому что жар подступил к лицу, я вспыхнула в мгновение пожаром.

Ведь он так близко и смотрит… Не по-Бычковски, не по-Севенски, а как сильный и скрытный Себастьян Генрихович, оставшийся с Лесей Каморкиной в классе наедине. Опасно так. – … Отрицательным.

– А если чётное? – выпрямилась я, смутившись и поняв одну важную вещь – ничего я не знаю об одноклассниках.

– То положительным, – выпалил он и забрал мою тетрадь. Это произошло слишком быстро. – Что ты вообще записывала?

– Отдай! – опомнилась я.

С реакцией у Севы всё в порядке, он почти мгновенно выставил своё плечо, на которое наткнулись мои руки и отвернулся.

Тетрадь, исписанная одним словом, привычно открылась на середине в его руках. Там гипнотизирующие рисунки разными шрифтами…

– Отдай!!! – кинулась я на него с кулаками, но Бычков просто поднялся со стула, и я свалилась с него. – Дай сюда!!!

Пришлось по стулу до него добираться.

– Одиночество – основа моей жизни!

– Га-а-ад!!! – заорала я таким свистковым регистром, что у самой уши заложило.

Он тут же сунул мне тетрадь в руки.

– Леся, успокойся! – перепуганно уставился на меня.

– Ненавижу, – я быстро схватила свои вещи и рванула к выходу. Но добежать не получилось, Бычков перегородил дорогу, заслонив собой дверь.

– Сядь, – грозно приказал он, скрестив руки на груди.

Я стала отступать. Дыхание сбилось, я вдруг почувствовала панику. Все эти Любкины рассказы о том, как её в классе лапали, всплыли в один момент.

– Отпусти меня, – с ужасом прошептала я, уже не видя в нём никого, кроме очередного Химера.

– Леся, пожалуйста, – он опустил руки. – Не бойся. Ты, как зверёк.

– Это ты зверь! Я предупреждаю, – я продолжила пятиться, пока не наткнулась попой на стол Маргариты Петровны. – Я в окно выпрыгну.

– Больная! – испуганно выкрикнул он. – Я только надпись прочитал.

– Это не надпись!!!

Я стала задыхаться, горло сковали невидимые ошейники, зубы скрипели от ненависти ко всему происходящему. Из глаз полились слёзы.

– Это моя жизнь!!! И я в неё никого не пускаю!!!

Севка гулко набрал воздух в лёгкие и закинул руки вверх, помассировал себе шею. Стал мерять класс перед входом шагами.

– Так! Это не только твоя жизнь, но и моя, – решительно произнёс он.

– Нет, только моя, – я вытирала слёзы, пыталась взять себя в руки. На носорога он не похож, я уже себе напридумывала. Нужно меньше думать о плохом, только о хорошем.

Мысль была отличная, я стала думать о хорошем… И ничего не смогла вспомнить.

Ах, да! Он мне нравится. Не совсем нравился. Точнее… Я не решила. В голове бардак. Нужно было на улицу выйти и прогуляться до речки.

– Лесь, скажи мне, что ты хочешь, – тихо прошептал Сева, глядя на меня потемневшим взглядом, полным какой-то тоски.

– Я ухожу из школы через три месяца, ищу работу и уезжаю.

– Ты думаешь… Я отпущу тебя?

– Что? – сорвалось с моих губ, а сердце забилось в груди. Мне стало жарко и невероятно неудобно находиться с ним наедине в пустом классе.

– Причём тут ты? – получился какой-то стон.

– Ну, – он кусал губы, подбирал слова. Сам краснел, мялся.

Что-то я палку перегнула. Не стал бы он меня мучить. Ну, прочитал, что ж я так, человека напугала. Он меня отпускать не хочет.

– В любви признаешься? – нагло спросила я.

– Могу, – кивнул он. – Но это всё слова. Нужно что-то другое. Чего тебе ещё не хватает?

– Совершеннолетия, – ответила я. – Мне не хватает совершеннолетия.

Сева замер. Глаза его стали круглыми, ошарашенными. Он словно услышал отражение своих мыслей. Я всё правильно поняла, он тоже ждал свои восемнадцать? А ему то зачем? Его же опека не пасёт.

– Да, – он не сразу отмер. – Именно этого мне и не хватает.

– Я про себя сказала.

– И про меня тоже. Я никуда тебя не отпущу, – он улыбнулся. – Будем вместе. Теперь это основа твоей жизни.

****

Мы успокоились. Точнее, успокоилась именно я, а он опять стал Севой Бычковым, который молчит и не улыбается.

Мы сделали алгебру, русский, литературу, биологию. Потом у него была тренировка, а я смотрела, как его гоняет Хрен с Горы вместе с носорогами и другими парнями из девятого класса. И мне казалось, что я его впервые увидела.

Так бывает?

Два года вместе учились, и только сейчас, словно впервые встретились. Я Севу досконально изучала. Взгляд цеплялся за отдельные части его тела. Особенно нравилось, когда он случайно встречался со мной взглядом и улыбался. В эти моменты становилось так спокойно на душе. Действительно, не ощущалось одиночество.

С мужской тренировки я ушла, потому что носороги поглядывали на меня неоднозначно.

Дождалась Севу и Лёшку Васина на крыльце школы. Осень не казалась хмурой, послеобеденное время не пугало своей пустотой и безнадёжностью.

А Сева спешил ко мне. Выскочил из школы, на ходу застёгивая куртку. Увидел меня и облегчённо вздохнул.

Это было особенно приятно, видеть в его глазах радость.

Взявшись за руки, мы пошли по школьной дорожке к остановке провожать Лёшку. Опять молчали, опять пинали листья. И не махали рукой Васину на прощанье, когда автобус уехал, увозя его в деревню.

Сева гладил мои пальцы. Я во все глаза наблюдала за этим. Стояли, склонив головы, друг напротив друга, и опять тишина между нами.

Уже всё было сказано, осталось выяснить, что с этим делать.

– Я пойду, – прошептала я.

– Ты не одинока.

Это я уже не просто поняла, я это ощутила всей душой, которая раскрывалась и пела от счастья. Тонко пока, трепетно...

Улыбка и лёгкие прикосновения.

А руки у него горячие и такие красивые. Я, пожалуй, его пальцы лучше изучила, чем лицо. Потому что высокий, голову закидывать казалось неприличным.

Но я почувствовала, как Сева становится ближе…

Он… Медленно… Наклонялся ко мне.

Я дышать перестала. Мир пропадал вокруг нас, мы остались одни во всей Вселенной. Ничто не имело значения, кроме того жара, что опалял мои щёки.

Я… закрыла глаза.

Сева поцеловал меня в макушку. И я вздрогнула.

Круто! Меня словно током дёрнуло, волной по телу прокатилось волнение и лёгкое смятение

– Носи шапку, уже холодно, – немного хрипло сказал мне Сева.

– У меня капюшон, – я скользнула пальцами по его раскрытой ладони. Он не держал, отпускал.

Не глядя на своего провожатого, побежала через дорогу.

То место, куда он поцеловал меня, стало тяжёлым, и я продолжала чувствовать его заботливый поцелуй.

Накинула капюшон Сашкиной куртки, чтобы спрятать волосы, они хранили след от его губ. Можно было не оглядываться, Сева точно провожал меня взглядом. И мне казалось, что он касается моих плеч, спины и попы.

Стыдно стало, я чуть не задыхалась от восторга. Это совершенно не то, о чём я слышала, о первой любви, о любви вообще. Если влюбленность такая яркая, то как не сойти с ума?

Загорались лампочки на фонарных столбах, ловя меня в круги холодного света. Дорога проходила мимо старых бараков, потом мимо высоких заборов новых построек. На улице никого. Вечер становился всё холоднее и холоднее. Изо рта валил пар. Но я не мёрзла. И дело не в том, что мне подарили куртку. Просто я не одинока. Осталось только это принять и как-то использовать.

То, что наши отношения с Севой не похожи ни на что, о чём рассказывают девчонки, уже стало ясно. Мы другие. И признание в любви было… таким странным. Наверно, следующим этапом будет основательный разговор. Нужно познакомиться что ли. Или ещё недельку за ручку походить?

Я не одинока.

Я не одинока… Точно, кто-то шёл следом.

Обернулась, а меня нагоняла компашка девятиклассниц во главе с Боженой Лошадью и её мажористой подружкой. Не помню, как эту курицу зовут.

– Проблемы? – издалека поинтересовалась я, чтобы сориентироваться.

– У тебя! – выкрикнула курица. – Сева мой сосед и мой парень! Ты голодрань с помойки. Мамаша алкоголичка, сама потаскуха! Тебя в приличную семью не пустят! Отвали от моего парня!

Тут было без вариантов. Я ещё подумала от них убежать, но затронули, можно сказать, за живое. Я быстро вытащила из кармана спортивок старый потрёпанный кусок ткани и, навязывая его на костяшки правого кулака, пошла навстречу.

Голодрань?

Не пустят в приличную семью?

Настроение резко сменилось, я оказалась на грани отчаяния. Дышать становилось сложно, уже не от трепета, а от откровенной ярости.

Это немного не то, что должно случиться при дворовых разборках. Такая агрессия мне никогда не была свойственна. Даже, когда я поддерживала Кучу в её разборках, я скорее была дипломатом. Но в новых реалиях я вместе скидывала все чувства от отчаяния, что не могу помочь матери, от ужаса, что не справляюсь с ситуацией, до ненависти к своему жалкому положению. Именно поэтому обделённые подростки так часто дерутся.

Курица храбрилась, пока стояла рядом Лошадь.

– Севка Бычков мой парень! – закричала я.

Куча, задержавшаяся в школе, залетела с фланга и кинулась на девок.

Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Отлупили с Кучей пятерых девчонок так, что те с воплями обратно в свой центральный район рванули без оглядки.

– В школе увидимся! – кричала им вслед довольная Сашка.

– И не ходи на Приречье!!! – добавила я.

– Что надо было?

Приличные люди именно с этого начинают, но не Сашка Верещагина точно.

– Говорят я голодрань и недостойна Севиного внимания.

– Фигня.

– Не фигня, Сашка, – вздохнула я, аккуратно складывая ткань с кулака в карман. – Это правда. У нас классовое неравенство. И его родаки не будут рады такой подружке.

– Севка влюбился в тебя по уши. Вы теперь на всю школу прославились, враги беснуются, идиоты хихикают.

Мне опять холодно. Даже тяжёлая рука Сашки на моей шее никак не согревает и не поддерживает. Наоборот, не хотелось никого видеть. Поэтому молчала, когда Сашка рассказывала свои дебильные анекдоты. И попрощалась без улыбки. Уныло поплелась к себе домой.

На заднем дворе нашего дома остатки былой роскоши. Папа не успел доделать дорожку перед домом, она тянулась к крыльцу через весь участок. Узкая, извилистая, выложенная разноцветными плоскими камнями, за которыми мы с папой ходили на берег реки. Огород был отделён маленьким заборчиком, имелась поляна, на которой стояли старые качели с сидением на двоих.

Когда я рассказывала, что моя мама держит скотину, многие воротили носы. А когда бывали у нас в гостях, обалдевали. Хлев, курятник, баня, сараи были очень аккуратными постройками, покрашенными красной краской. С белоснежными наличниками на окнах и дверях. На крышах битумная черепица бордового цвета.

Стоял у кустов смородины старинный колодец. У всех в посёлке водопровод, а папа колодец оставил, сделал над ним крышу, как игрушечную, обложил таким же камнем, как дорожку. И место за домом напоминало какую-то альпийскую сказку, с альпийскими горками и альпийскими лужайками.

Мерзость запустения.

Особенно под светом уличного фонаря, что освещал задний двор нашего дома.

Я села на качели, оттолкнулась ногой от красивой дорожки. Старые цепи, на которых была подвешена скамейка со спинкой, заскрипели.

Домой совсем не хотелось. Я туда вошла, поняла, что у мамы мужик, и сразу вышла на улицу с приступом тошноты.

Забравшись на яблоню, через забор на мой участок прыгнул Химер. Лихо так! Он быстрый и, не смотря на всю свою худобу, сильный. Ему скоро двадцать один год. Но пребывание в тюрьме сделало из него очень взрослого, помятого мужика. У него сгнили зубы, подкосилось здоровье, и в волосах блестела серебром седина. Чем он занимался, как он жил, когда уезжал из посёлка, для всех оставалось тайной. Но в деньгах он не нуждался.

В джинсах и красивом тёмно-синем свитере он встал напротив качели и хитро прищурил один глаз.

Я не двигалась, с безразличием смотрела на него, не думая ни о чём.

Химер подвыпивший становится противным и грубым. От пьяного Химера лучше бежать. А вот трезвый Серёжа Часов вполне нормальный человек, в которого я однажды влюбилась.

Если б он меня не ударил, я бы так и продолжала думать, что это моя судьба.

– Что такая недовольная? – усмехнулся он.

– Мама привела мне очередного папу, – мрачно ответила я.

Химер запрыгнул на качели, уселся рядом. По-хозяйски закинул руку за мою спину. Его пальцы трогали мои волосы, и у меня по телу бежала нервная дрожь от отвращения.

– Ладно, не трогаю, что морщишься, – от него не пахло перегаром, а только вкусным мужским парфюмом. – Лесь, поехали со мной.

Он сказал это таким голосом, что я хотела расплакаться, кинуться ему в объятия и пожаловаться на жизнь.

А нельзя.

Это обман. Как трезвый голос мамы в промежутках между пьянками.

Как-то сразу вспомнилась Карина по кличке Корь, которая прикладывала к фингалу под моим глазом лёд. Химер и ей глаз подбил, так что мы с ней дружно светили по посёлку.

Не верю!

Ты, Химер, урод моральный!

– Что там твой мажор, не обижает?

– Нет, защищает, – ответила я.

– То есть можно спокойно по делам ехать, тебя не обидят? – он попытался прикоснуться к моему лицу, я быстро от него слиняла, спрыгнув на землю.

– Вали уже, – огрызнулась я.

– Дрова закажешь, за электричество заплатишь, – он достал из заднего кармана джинсов скрученную пачку наличных. Отсчитал купюры. — Я тебе одежду купил.

– Мне ничего не надо от тебя. Я тебе вернуть не смогу. А натурой даже не проси.

– А что так? – хмыкнул он. – С мажориком лучше? Смотри, Камора, не плачься мне потом, что с тобой поиграли, сломали и выкинули.

– А ты не для того мне предлагаешь с тобой поехать, чтобы надкусить и выплюнуть?

– Ты давай, учись, дура! – рявкнул он, оставив деньги на качали. – Если выгорит у меня дельце, я тебе учёбу в университете оплачу, сваливать тебе от мамаши надо.

– Без тебя знаю! И я сама на бюджетный поступлю! Понял?

– Я твоей классухе звонил, – тихо и строго сказал он. – Марго мне сказала, что ты скатилась окончательно.

– Пошёл ты! – с нешуточной обидой выкрикнула я и пробежала домой.

Позор! Скатилась!!! И все знают!

Оглянулась, отбежав от уголовника на безопасное расстояние. Химер деньги не оставил.

Почему-то стало обидно. Мне деньги очень нужны.

Какой-то мужик спал у нас на кухне, мама на своей кровати лежала. Это хорошо, что они рано начали, ночью спокойней будет.

Я поднялась наверх и решила, что буду спать в спортивном костюме, потому что печь растапливать не хотелось.

Завалилась на кровать и открыла вчерашнюю переписку.

Сева знал, как я живу. И всё равно ко мне хорошо относился. Защитил меня.

А потом я полюблю его, потому что создана для любви, и Сева меня кинет, когда мама запретит с голодранкой встречаться. У него будущее, карьера, поступление…

А я вот с ним поступать буду!

– «Как дела?» – пришло от него сообщение, и я улыбнулась так, что щёки чуть не треснули.

– «Твоя девушка мне угрожала», – написала ответ.

– «У меня нет девушки, но я надеюсь, ты станешь моей».

Очень красивая постановка предложения. Я даже не хотела портить переписку и оставить всё на такой прекрасной ноте. Но вымотанная важным жизненным вопросом, всё испортила.

– «Тебе не стрёмно встречаться с нищей девчонкой, у которой мать алкоголичка?».

И он не ответил.

Вот так.

Знай, Леся.

Хотела ему написать ещё что-нибудь, но на телефоне закончились деньги.

– Камора!!! – донеслось снизу.

У меня очень насыщенная жизнь. Я понимаю смысл слова «потаскуха», это когда постоянно где-то таскаешься.

Шиша пришёл с пачкой сосисок, обещал, что цыган Арбузов батон подгонит. Ромка прыгал по спине пьяного мужика на моей кухне и предлагал поужинать на берегу реки у костра.

И я, конечно, согласилась, потому что уроки сделаны, спать рано, а потаскаться хочется.

Ромка рассказывал про Белую Плесень, как он её здорово зажал в кабинете английского. Это Анечку оставили подтягивать Шишу по иностранному.

А я похвасталась, что меня подтягивал Сева. И меня обсмеяли. Но я не обиделась, а печально улыбнулась.

****

– Помнишь мою тётку Веру? – спросила у меня Верещагина, когда мы шли утром в школу.

– Да, она в магазине работает, – я была полностью поглощена раздумьями о классовом неравенстве. Пожалуй, я сегодня с Севой поговорю на эту тему. Если он не забыл меня. Кто этих мажоров знает.

– Уборщица заболела, сегодня можно поработать. Деньги сразу даст.

– Я хочу! – обрадовалась я.

– Отлично, только нужно слинять с уроков.

– Не проблема, – не видела препятствий к быстрому заработку.

Деньги! Это же так круто!

Что я буду делать с деньгами?

Естественно, куплю себе еды на выходные. Или постараюсь не есть и сэкономлю.

Нет. Я кину на телефон и продолжу общаться с Севой. Надо же выяснить, что он думает о моём жалком положении и классовом неравенстве.

На улице ещё было темно, накрапывал дождь. Завернув за школу, я побежала за ограду, на ходу здороваясь со знакомыми. Севу не встретила, потому что такие чудесные парни, как он, всегда приходят на уроки пораньше.

На мгновение появилась мысль, что Сева может меня ждать. И тут же пропала, потому что наличные позарез нужны.

Я выскочила из-под арки углового дома из белого кирпича на торговую площадь, где теснились магазины.

Летом я работала у Верещагиных. Они уезжали на два месяца на юг, и я следила за их огородом, кормила собаку и кошку. Ночевала у них в доме. О том, что я там живу, мало кто знал, соседи за забор не лезли, я выходила редко. Заплатили прилично, но деньги я потратила, проела.

А ещё Химер меня подкармливал. Это он платил за наше электричество и дров в прошлом году заказал.

Наличные я взяла у него однажды. Выдал мне гордо из пачки купюр. Как только Химер скрылся, у меня деньги мамаша отобрала со своим очередным собутыльником. Так что в следующий раз я Серёже Часову предъявила претензию, что он мне мать спаивает. Он тогда сильно разозлился и разогнал маминых алкашей, но ненадолго.

Голодранка, нищебродка. Я должна думать о том, как выжить, а не о том, как от одиночества избавиться в обществе сытого Севы. Конечно, он удивлён, что я не делаю уроки. Откуда ему знать…

Столько мыслей!

Неужели у всех девчонок в семнадцать лет вот такая куча мыслей в голове? Одни сомнения, мотает от одного решения к другому. Руки сильные и горячие покоя не дают, макушкой чувствую его поцелуй, а сама уже готова разорвать с ним всякие отношения, которых, по сути, нет.

Это всё от безделья. Вот приду на работу и забуду глупости.

Тётя Вера действительно меня встретила. Полная деловая женщина, похожая на нашу директрису. Выдала халат, резиновые перчатки и отправила вначале на склад, потом велела вымыть стёкла на витрине. Ещё и чаем напоили с печеньем. Попросили помочь с товаром, и я раскладывала пачки молока и творога.

За несколько часов вдруг стала подниматься по карьерной лестнице и доросла до помощника мерчандайзера, помогала тётке Вере выставлять товар на полки их супермаркета.

А где-то часов в семь вечера в торговом зале разлили молоко, и я деловая с тряпкой и ведром побежала убирать.

Молоко разлила утырочная тощая бабёнка в очках. Смотрела на меня, как будто, кроме того, что я пол должна вымыть, ещё и обувь ей обтереть обязана.

– Как у вас продукты расставлены? – противно спрашивала она.

Мерчандайзер – профессия очень важная. Нужно уметь правильно выставлять товары на полки, чтобы криворукие и тупые не уронили все стеллажи на себя. Но иногда ничто не спасает.

Я, естественно, покупательнице ничего не ответила, вид у неё был напыщенный, пальто светлое, как джемпер у Севы. Она, дурная, неожиданно споткнулась и вступила в моё ведро светлым замшевым сапогом.

Я так перепугалась, что полезла её ловить. Грязной тряпкой пальто испачкала. И зажмурилась, когда баба заверещала, как будто я её зарезала.

– Паршивка! Ты знаешь, сколько это пальто стоит?!

– Всё в порядке, – сказал Сева, оказавшись рядом с нами.

Я в ужасе отшатнулась. Встретилась с его глазами. Серого цвета в его глазах было больше, чем голубого, именно этот оттенок создавал глубину и странную печаль, которую я заметила ещё при первом нашем знакомстве. Мне вначале показалось, что он смотрит на меня с жалостью, а теперь вижу, что его всё достало. И ему грустно от этого.

Я хотела улыбнуться и радостно сказать: «Привет, Себастьян Генрихович!» Но он держал за локоть противную тётку, которая истерично отряхивала пальто.

Мама.

Он пришёл в магазин с мамой, а тут я грязная, с половой тряпкой и в резиновых перчатках.

Ну что, маман? Красивая девочка претендует на твоего сыночка-мажора?

На искажённом лице противной тётки вырисовывался ответ на все мои вопросы, в том числе и о моей родословной, которую она не полила грязью только потому, что Сева её перебил.

– Ты ради работы в школу не пришла? Леся, ты должна учиться, – сказал он мне.

– Я тебе не должна, – голос сорвался. – Мне деньги нужны!

Из глаз слёзы в три ручья. Я схватила ведро и побежала в подсобку.

Я точно знала, что меня сейчас выгонят с работы. А ещё я так опозорилась. Так перед Севой было стыдно, что я уборщица, что я не пришла делать с ним уроки и вообще всё прогуляла.

Завыла от горя в раздевалке, быстро стягивая с себя рабочий халат.

Как другие не стесняются смотреть людям в глаза, когда работают уборщиками? Где я ошиблась, что, всхлипывая, не замечала, что говорит Сашкина тётя.

Наверно, мне плохо не потому, что я решила честно подработать, а потому, что меня здесь быть не должно.

Нужно просто перестать ходить в школу и устроиться официально.

Я была выгнана из магазина без приглашения на завтра.

Я пересчитывала мелочь. За витриной я видела, как скандалит мать Севы. Я из тьмы на свет смотрела во все глаза, и мне казалось недосягаемым стоять рядом с таким, как Бычков. Поэтому я только смотрела на него, как на мечту, уже потерянную.

Они действительно красиво и дорого одевались. И на машине ездили за продуктами. Какая из иномарок принадлежала их семья, я не знала.

Горько так стало.

Я накинула капюшон и, ёжась от холода, побежала домой. Но далеко уйти не смогла, потому что наткнулась на одноклассницу.

Лера Ложкина с выделкой на личике по последней моде, в короткой юбке и курточке на меху. Волосы светло-русые распущены. В общем, она — куколка. Интеллектом не изуродована, немного наивная и жадная до денег. Но в целом, девчонка нормальная.

– Привет, Лесь.

– Давно не виделись, – я украдкой смотрела на магазин, откуда до сих пор не вышла скандалистка мадам Бычкова.

– Не хочешь в клуб сходить? – тут же предложила мне Ложка.

– Я даже одета для нашего клуба, – расставила я руки, показывая свой спортивный костюм.

– Н-ет, – нахмурилась Лерка выпячивая губки. – Давай я тебе косметику подарю и шмоток подгоню.

– Спасибо, Лера, я лучше домой, – хмыкнула я

– Лесь, я маму твою видела, она к вам домой опять с этими мужиками с Приречья шла, – Лера говорила об этом без сочувствия или презрения. Она констатировала факт, её маленький мозг просто вывел картину того, что мне точно спешить некуда. Именно этим и подкупила.

Я осталась стоять рядом с ней. Поджала губы и ослабла всем телом.

Значит, не светило мне поспать сегодня. Опять баррикадироваться. Может, к Трэшу напроситься? У него на комнате хоть замок есть.

С этим надо было что-то решать. Пока я совсем не свихнулась.

У Лерки была горячая рука, она тянула меня за собой под арку. Жила в большом угловом доме у школы, с мамой. Их папа ушел из семьи, но мама работала бухгалтером в одном из магазинов и дочку содержала.

Не то что моя.

Моя мама всех переплюнула в слабости.

Ложка будто не замечала моих слёз, трепалась про инстаграм, про своих подписчиков, про то, что сегодня будет возможность съездить в городской ночной клуб с девчонками, которые нас старше. А это всегда круто. Можно оторваться.

В квартире пахло духами. Всё было таким пушистым, чистым и милым, что я расслабилась и решила получить удовольствие от домашнего уюта.

Комнатка девичья с картинками на стенах, розовым мохнатым ковриком на полу и шёлковым покрывалом на кровати.

Шкаф у Лерки в комнате ломился от вещей. А я, воспользовавшись случаем, приняла душ в нормальной обстановке.

На красивой белой плитке с серыми разводами растянут прикольные мягкий коврик. На пластиковых полочках места нет от бутыльков и тюбиков.

Идеальная ванная сияла белизной. И я такая грязная в неё залезала. Заворожённо смотрела, как из широкой лейки льются потоки тёплой воды.

Лерка деловито подсовывала мне за шторку разные средства по уходу за телом. Вот так просто, зная, что моя мать алкоголичка, что я почти без будущего. Прямо как Сева. И если Лерка – наивная простота, то Себастьян очень умён и конкретно что-то от меня хотел. И я не верила, что мажор мог просто меня полюбить и от чистого сердца сочувствовать. Я на улице, он в свете ярких огней за витриной. Мы слишком разные.

Не могла насытиться чистотой. Закинув голову вверх, закрыла глаза и просто мокла под струями воды.

– Лесь, тут Бычков звонит тебе на телефон, – заглянула в ванную комнату Ложка.

– Поговори с ним, скажи, что мы сегодня со старшими девчонками поедем проституцией заниматься.

– Леся, это не проституция.

– А что? – усмехнулась я.

– Это просто погулять, – надула недовольно губки смешная Лерка Ложкина. – Алло, Сева, это Лера Ложкина… Да, всё в порядке. Леся душ принимает. Мы поедем с Лесей в город, но не будем заниматься проституцией.

– Блин, Лерка, – рассмеялась я.

Вот дура! Ведь утащат её эти прошмандовки, что крутятся у нашего клуба. Такую спокойно можно уломать на что угодно.

– Если я дам ей телефон, он намокнет и перестанет работать.

Как она вообще до одиннадцатого класса доучилась? Но навыки жизненные есть, вот знает, от чего техника ломается.

– Хорошо, я ей всё передам. Да, мы в клуб пойдём. Да, потом в город. Откуда ты знаешь, что с Кариной? А что такое эскорт?

Я мокрая вылезла на мягкий коврик и отобрала у Леры свой телефон.

– Привет, Сева, – я взяла предложенное мне махровое белое полотенце. – Как там пальто? Передай маме, что я не смогу ей оплатить химчистку. Всё пока.

Я отключила телефон полностью и улыбнулась Лере:

– Мама твоя где?

– К сестре уехала на выходные, – добродушно улыбнулась она.

Зря мамы так со своими дочерями. Нас нельзя одних оставлять. Только передавать в надёжные мужские руки. Особенно таких, как Лера.

Я всё поняла. Лера уже не раз ездила с местными бабочками в город. Мне тоже однажды предлагали.

Девочки созданы для любви.

Где люди находят силы, чтобы выжить?

Как принять правильное решение, чтобы потом не жалеть?

Красивое нижнее бельё всё в розовых кружевах. Платье чуть выше колен тоже розовое. Колготки капроновые. Я сидела в маленьком раю для девчонок, где начинающий визажист красила меня и вкусно пахла.

Отреклась от всех своих невзгод и подумала, что сегодня пусть будет как будет. Буду танцевать и веселиться. Тем более Лера так красиво описывала лёгкую жизнь, что захотелось… Съездить на выходные, отдохнуть. Даже переночевать есть где в городе. Я два года там не была, можно уже выбраться.

Конфеты с водкой оказались невероятно вкусными, после них я стала довольной и немного счастливой. Свою старую одежду сунула в красивый пакет, вступила в белые кроссовки, что предложила моя одноклассница, и накинула её старую куртку.

– Одежду себе оставь, у меня ложить некуда.

– Класть, – поправила я. – Ложить от слова ложка.

– Мне не нравится, когда меня Ложкой называют, можно Лера.

– Хорошо, – усмехнулась я, красуясь у зеркала.

Так прекрасно я выглядела только на выпускном в девятом классе. Потом наряжаться было некогда.

Лера немного меня выше ростом и с объёмами в фигуре. А я исхудала сильно, поэтому влезла в её старые вещи. У меня очень тонкая талия и длинные стройные ноги. И волосы неплохие. Раньше были ниже пояса, но пришлось обрезать по плечи.

Я хочу так жить. Каждый день видеть себя красивую в зеркало в своей комнате, а не в гардеробе школы в затасканном спортивном костюме. И я не хочу ждать, когда это случится, мне нужно это немедленно.

– Я тебе ещё старую косметику подарю и вот джинсы, я уже не влезаю в них. Тут кофта белая, можешь в школу носить, будешь с Севой вместе выделяться из толпы.

– Лера, а замуж выгодно выйти ты хочешь?– спросила я. – В том клубе, куда ты ездишь, есть нормальные мужчины, которые готовы жениться?

– Нормальных мужчин нет, так моя мама говорит. Нужно в восемнадцать замуж выходить, чтобы себе нормального воспитать и чтобы ему восемнадцать было. Ну, можно в двадцать лет. Там какая-то поговорка есть.

– Любовь, как в двадцать лет, с первого взгляда и навсегда, – я улыбнулась себе, посмотрела, как выгляжу боком. – Но я хочу, чтобы сразу богатый и нормальный.

– Так не бывает, – рассудила умная Лера. – Это только в сказках.

– А я вот теперь понимаю тех девчонок, которые замуж выходят ради денег, – я застегнула тёмно-синюю куртку, спрятав волосы в капюшон. – Нищета, Лера, это невыносимо.

– И не говори, – печально вздохнула Ложка. – Косметики нормальной нет, парфюм отстой и телефон новый никак мама не покупает.

– Я о том же, – хмыкнула и подняла пакет с подарками.

Это я удачно на Ложкину наткнулась, обновила гардеробчик. Осталось только его спрятать в своей комнате под замок, чтобы мамины собутыльники не вытащили.

Лишь бы сегодня найти мужчину своей мечты и не мучиться больше. Уеду сразу, куда позовёт. А там видно будет.

Лера сделала десяток отличных фотографий и тут же выставила на свою страничку.

– Смотри!!! Себастьян на меня подписался. Только он не Бычков почему-то, а Брюне. Какой же он брюнет, когда он шатен?

– Брюне – это футбольный клуб.

– Серьёзно?! А откуда ты знаешь?

– Папа любил футбол. Ещё это фамилия немецкая. Похоже, Себастьян Генрихович Брюне — истинный ариец.

– Леся, какая ты умная! – восхитилась Ложка.

Я взяла её телефон и прошлась по страничке Севы.

– Зачем такой умной и красивой девчонке связываться с таким неинтересным парнем. Он же скучный, смотри ни одного подписчика, три фотки и то с природой.

– Так он зарегался час назад, – усмехнулась я. – Чтобы за тобой следить.

– Серьёзно?

– Да, вон лайкнул наше фото.

Себостьян Брюне мониторил моё передвижение, присматривал, беспокоился и доставлял мне этим массу удовольствия.

– А кто у нас в школе интересный, Лера? – мы вышли из её квартиры и под ручку направились к нашему местному клубу.

– Одни обезьяны.

– И носороги!

Мы рассмеялись.

– Пакет в раздевалке оставь, танцевать неудобно будет, – советовала Лерка, продолжая освещать наш поход в клуб на странице соцсети.

5

Я подозревала, кто эти девки, и куда они ездят. Я знала, а всё равно хотела съездить, прогуляться… Просветиться.

Карина по кличке Корь стояла передо мной и на её помятом лице появлялись то синие пятна, то кра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.